

Обитель горных духов

Сказания, легенды,
мифы Горного Алтая

2022 г.

Обитель горных духов

*Обитель
горных духов*

с. Майма, 2022 г.

Обитель горных духов. — с. Майма, 2022 — 132 стр.

Сказания, легенды, мифы Горного Алтая в интерпретации современных авторов.

Предисловие

«И уже веселится огонь в очаге,
И топшур деревянный послушен в руке,
И забытую песню, рокошет струна,
И, как давняя сказка, встаёт старина».

Аржан Адаров

Мифы и легенды мира принадлежат к числу самых больших загадок духовного наследия. Россия – великая сокровищница легенд, мифов, преданий русского народа. Это и «Илья Муромец», и «Сотворение мира», «Алатырь», «Макошь», «Стрибог», «Велес» и множество других накопленных веками повествований.

Земля Алтая богата древними преданиями, которые мы видим в наскальных рисунках, в обрядах и традициях, а так же в многочисленных алтайских сказаниях. Разнообразное культурное наследие Алтая постоянно привлекает поэтов, писателей, художников, которые погружаются в этот источник, наполненный живительной влагой творчества.

Этнографические стороны жизни, такие как ритуал, предметы бытового обихода, этикет и традиционный быт, система родства – являются своеобразными текстами, каждый несет свой смысл, который теряется в глубине веков. На перевалах или у источников стоят деревья увешанные ленточками – способ умиловить духов, которые обитают повсюду:

в реках, озёрах, лесах и горах. Расположение людей в юрте, правила обращения к разным категориям родственников, встреча гостя и многое другое обусловлено миропониманием людей.

Одной из сокровищниц богатейшего мифологического материала являются эпические сказания, которые традиционно исполнялись алтайскими сказителями – кайчи. Именно эти поэмы дают важный материал для реконструкции представления сотворения вселенной. Бог земной Ульгень и творец мира – Кудай; в подземном мире – Эрлик; хозяйка очага – От-эне; защитник и покровитель человечества – Дьайык; крылатый конь – аргымак.

В современном мире много что видоизменилось, пришёл технический прогресс, люди стали более рациональными и прагматичными, но желание чего-то необычного и таинственного будет присутствовать у человека всегда. Мир фантастики, поэтического вымысла, героики может быть не привязан к местности, не конкретизирован, но поучительное содержание и облачение в чудесное происшествие притянет читателя.

Знакомство с новой книгой мифов и легенд литературного объединения «Ли́ра» Майминской библиотеки №13 станет очередным путешествием в мир необычайных таинств.

Мария Образцова

член Союза писателей России

Майминское литературное объединение «Ли́ра»

Алексей Гаев

Пазырык

1

Века прошли... И время стёрло лик
и городов, и стран, могучих прежде...
И нынче камни лишь живут надеждой,
что древних сказок близок нам язык...

Они молчат лишь для глухого уха,
они мертвы лишь для не зорких глаз.
Но натяни потуже струны слуха –
и зазвенит таинственный рассказ!..

2

Камни срослись с землёю –
тысячи лет подряд
пёстрой в рисунке змеёю
полз здесь курганный ряд...

Сверху глядишь на курганы –
чудится в их движение
звёзд молочных туманов
точное отражение.

Поле лежит, как загадка...
Огненным знаньем влекомы,
камни сложили в порядке,
в им лишь понятном порядке,
древние астрономы...

3

Тихая речка с илистым дном,
с чётким рисунком подводных барханов,
в солнечных искрах бегущая днём,
ночью несущая шлейфы туманов...

В чистой воде отражается высь;
рыжие хвои плывут по теченью...
Осень. Белесые травы сплелись
лёгкой мелодией отдохновенья...

4

На заре, на восходе
и в сиянии звёзд по ночам,
когда бисером вспыхнет роса,
иль туман поползёт от протоки,
гул стоит над землёй,
будто камни поют в небеса...
То пространство – огнём –
насыщает могучие токи!

И на стыке огней
мы звучанье пространства вберём
в своих чутких сердец
приоткрытые двери!
Слушай, сердце, запомни –
ведь то, что сейчас соберём,
мы друзьям донести
всё должны без потери!..

Где молчанье? Кто Природу
немою назвал?
Голоса отовсюду:
говорят камни, воды и травы...
Слушай, сердце! Вот
в пространстве приказ прозвучал,
как исход из прошедшего –
в будущей жизни державу!

Здесь, возможно, Учитель
когда-то прошёл в те места,
где к Огню приобщился Небес,
получив Посвящение...
Эту тайну святую шепнули
пространства уста...
Сердце, ты сохрани
всех чудесных признаний значение!..

Ты пылай и стучи,
и огнём расцветай новых встреч,
и узорным Ученья ковром
расстелись среди горного стана!
Человек – это формула
мощи окрыленных плеч!
Это – Космоса, Тайны его
золотая мембрана!..

** **Пазырыкская культура** — археологическая культура железного века (VI—III вв. до н. э.), основные находки предметов которой были сделаны в Горном Алтае.*

Сведения в основном получены при раскопках так называемых Пазырыкских курганов. Носители этой культуры обитали на смежных территориях нынешней России (плато Улаган, Укок), Казахстана и Монголии.

О, единенье с Природой!

(песнь алтайца)

Пряжа дождей размоталась
в синих клубках тучевых...
Эхом в горах расплескалась
сказка племён кочевых!

Львиные грозные рыки,
крылья таинственных птиц
стали в холмах Пазырыка
знаками древних гробниц.

Скачут, как встарь, аргамаки
берегом звонкой реки.
В росном, мерцающем лаке
на перевалах жарки!

Крепость закона и силу,
неба высокую твердь
в стенах и крыше аила
можно всегда усмотреть.

Кладами полные недра
морщат скалистые лбы.
Корни смолистого кедра –
символ могучей судьбы!

Пенятся воды от бега,
белые, словно чегень.
В вечной обители снега –
бодрая светлая звень!

Песней и зовом взлетая
к тайнам космических сфер,
блещет корона Алтая,
мира гора – Уч-Сумер!

В струнах звенящих топшура,
в песне гортанной кайчи –
мудрость живёт и культура,
знания бьются ключи!

Вереском, мёдом и мятой
дышат поляны, луга...
Возле озёр, как солдаты,
ели выросли в берега...

О, единенье с Природой,
ниточки родственных уз!
Песенным горлом народа
дышит послушный комус...

И богатырские сказки –
в новый слагаются кай!
Синие звонкие краски
дарит пространству Алтай,

золото осени, снега
на крутоспинных хребтах,
будущей жизни побеги,
радуг цветы в небесах!..

**Гора Белуха — самая высокая гора Сибири и Горного Алтая. Алтайцы называют её – Уч-Сумер — «Уч» это три, «Меру» — главная (священная) вершина в буддийской философии, которая в монгольском языке трансформировалась в «Сумер», то есть Уч-Сумер можно трактовать как — «Трехглавая».*

АЛТАЙСКИЕ ИМЕНА...

(песнь алтайца)

Красивы у Алтая имена!
В них дышит свет немеркнувшей Природы.
Алтай, Алтын, край золотой, страна,
где всё полно значенья и свободы!

О золоте ты вспомнишь невзначай,
взглянув в глаза улыбчивой девчонки,
чьи песни, как ручьи весною, звонки.
Её зовут, наверно, Алтынай.

Когда ключей чистейших воду пьёте
и умываете, придя из дальних стран,
лицо и грудь, и руки – назовёте
вы воды те целебные – Аржан.

А в искрах пламени узнаешь искры духа,
и в грудь вольётся творчества струя,
когда коснётся внутреннего слуха –
сверканьем солнечное имя Сураяя.

Когда касалась нас – вдруг – тень печали,
иль лунной грустью плакала струна,
ночей красавицу мы сразу вспоминали,
и называлось имя Айана...

Но что печаль? В душе – ей – меньше места
давай, и будь ты – радостным вовек!
Узором счастья разошьёт невеста
свой свадебный нарядный чегедек!

В узорах этих – знание поколений,
в них зашифрован вечно юный мир...
Врага упасть заставит на колени
земли защитник с именем – Батыр!..

Ну, а когда врагов не станет боле,
цветок росистый мира будет свеж –
прекрасной жизни прозвучат пароли:
и среди них – Чечек или Чейнеш!..

Придёт Любовь и встанет хрупкой ланью
среди туманных утренних полей!
Потонет в ласке имени звучанье,
когда скажу я: «Здравствуй, Эркелей!..»

Скажу: «Веди туда, где звёзд сиянье,
где снежных гор блестит крутой карниз!
Чтобы души произошло слиянье
с лучистым светом имени Дилдыс!»

Стремясь к звезде Любви непреходящей,
я воспою навеки отчий край,
край золотой, любимый и звучащий
заветным, светлым именем – Алтай!..

У ТЕЛЕЦКОГО ОЗЕРА!

Горы как будто встают из воды,
в – елей и сосен – наряде богатом!..
Солнце на волнах рисует следы
чистых тонов серебра и агата!
И, добежав до прибрежной черты,
волны вскипают на гребнях свеченьем,
кружатся в танце, что чужд суеты,
ритмам его придавая значенье...

Жарко-телесны стволы сосняка.
Озеро. Рядом и Бия-река, плещется
дочь Алтын-Кёля... Листва ивняка
в водах наряд свой купает...

По берегам – Артыбаш, Иогач.
Ветер, что песня, где смех есть и плач...
А человека, как опытный врач,
дух влажных хвой исцеляет!..

В воздухе – коршунов плавный полёт...
Дождь с перерывами весело льёт
с неба – на лес, камни скал и кусты;
мокрой травы жемчуга так чисты,
что непрерывно сверкают, горят!
Горы – душе – о величье твердят,
о глубине тайн природы!..

Радуг цветы – небосводу –
дарят прозрачность тончайших одежд!..
Сердце трепещет – в восторге надежд:
жизнь проживёшь ты красиво!..
Озера тело – в извивах
татуировок... Рисунок их строг.
Слово Алтай, вечной юности бог,
каждою буквой, сплетаясь с душой,
славит торжественно Край Золотой!..

Горы как будто встают из воды...
Озеро, их отражая зеркально,
шепчет о вечном мне, об идеальном!..
О, не стереть – истин сих беспечальных!
Любишь ты – жизни дерзаний – труды!..

Ольга Истомина

Алтай

Священный край – обитель духов горных,
Алтай – твердыня, Родины оплот,
Вместилище степей, долин просторных,
Источник чистых родниковых вод.

Здесь синь небес загадочная льётся
В объятия неуёмные реки,
И жадно пьёт Катунь и не напьётся,
И далеко слышны её глотки.

На страже горы с каменными ликами,
Затылки перед солнцем оголив,
Бросают камешки, сверкающие бликами,
К подножию, нещадно накалив.

Склонились сосны пред рекой в почтенье
За то, что вдаль по ней плывут века,
И можно разглядеть их отражение,
Что обнимают руки-берега.

Три великана

Неразумным, беспечным одуматься чтоб,
Был Богами придуман Всемирный потоп.
По Земле, где отары паслись и стада,
Словно белый туман, разливалась вода.
Тучи птиц от беды поднялись в небеса,
А пучина воды хоронила леса,
И поляны, и горы... И сотни людей
Навсегда бы исчезли в бездонности дней,
Но три брата пришли, что ни брат – великан:
Адыган, Чаптыган, да ещё Бабырган.
Неустанно трудились семь дней и ночей,
Не щадя своих сил, в океане страстей.
На загривки, за пазухи клали народ
И до краешка суши шагали с ним вброд.
Великанам уж было не в силу нести,
Но сумели беду от людей отвести.
Словно свежий кумыс или кислый айран,
Выпит ими до дна был легко океан.
Гранью суши, как раз, оказался тот край,
Что доныне зовётся волшебю – Алтай.

* **г.Адыган** — священная для алтайских народов гора Адыган, в переводе с алтайского означает Отец-хан

* **г.Чаптыган** — расположена в часе езды от Горно-Алтайска, её высота около 1500 м.

* **г.Бабырган** — самая северная вершина Семинского хребта, расположена в Алтайском крае на левом берегу Катуня. Абсолютная высота — 1008,6 м.

Сотворение Земли

В безбрежном море, там, вдали
Где нет ни неба, ни земли,
Лишь светлый дух Ульгень витал
И Землю сотворить мечтал.

*

С потопом мир забыл покой,
Вся суша скрылась под водой.
Творец на поиск рыб пустил,
Лишь щука притащила ил.
Кусок Земли Ульгень забрал,
А ей за это ловкость дал.
Стал степь творить без гор, ложбин,
Но так как делал всё один,
Устал. Работой увлечен,
Не чуял, как подкрался сон.
Но горсть земли в руке держал.
На горе Эрлик прибежал,
Земли тихонько захватил,
Язык на время прикусил,
Стал бегать, землю растрясать –
Ложбины, горы создавать.
Ульгень, проснувшись, обомлел:

«Негодный, как же ты посмел,
Где будут люди скот пасти?
Здесь ни пройти, ни проползти!»
Стал гнать его от суши вон,
Проклятья слать ему вдогон.
Но Эрлик возразил: «Постой,
Ведь я не вор, и не чужой,
Ну, оступился, натворил...»
Ульгения он уговорил
Дать суши небольшой кусок,
Мол, «беден я и одинок...»
Взяв сушу, хитроумный бес
В ущелье второпях залез,
А из него полезли вдруг
Лягушки, черви, мухи, жук,
Букашки, змеи, комары,
Как будто ждали до поры...

С тех пор осталось на года:
Где Эрлик – там всегда беда...

Мудрый шаман

В стародавние дни жил на свете шаман,
Средь Алтайских хребтов в старом, скромном аиле.
День и ночь за людей он молился богам,
И с ветрами по миру легенды ходили,

Что шаман может в гости к Ульгеню сходить,
Иль дождя попросить, иль удачной охоты,
Или солнцем согреть, иль луной осветить,
Порчу, наговор снять и облегчить заботы.

Злого Эрлика может дарами смягчить,
Чтобы горе на Землю не слал, устрашая;
Что любые болезни умеет лечить.
Нет сильнее, мудрее шамана Алтая!

Много людям добра он от сердца дарил,
И прожил сотню лет, а, быть может, и двести.
Как-то раз в Бесконечность вдруг дверь отворил,
И о смерти своей прочитал там известие.

Кам оставил аил и пошёл на восход,
Чтоб достойному дать свою мудрость и знанья,
Но напрасно искал – стал расчётлив народ.
Кам вернулся домой и устроил камланье.

Много дней он устало кружил и кружил
Между миром живых и пристанищем мёртвых;
Кам у Духа Ульгеня совета просил:
Как вселить здравый ум и смирение в гордых?

Наконец-то ответил шаману Ульгень.
Повелел он на камне писать свои знанья:
«Пусть лежат в глубине, и настанет их день –
К людям мудрость придёт и придёт покаянье!

И тогда всем немного останется ждать.
Лишь откроются тайны седого шамана,
На священный Алтай снизойдёт благодать –
Мир, покой на Земле и любви океаны!»

Гладкий камень нашел старый кам, написал
Письмена те заветные. Сил не жалея,
Он у горной реки камень тот закопал.
Кто захочет найти, тот, конечно, сумеет!

**Кам – шаман. Считалось, что шаманы Горного Алтая свой дар получают по наследству от предков преимущественно по линии матери и наделены особым благословением духов и богов.*

**Ульгень – повелитель светлых Духов, божество Верхнего мира.*

Старый кедр

В глухой тайге жил старый кедр могучий,
Мудрей его в округе не сыскать,
Кормил людей, держал ветвями тучи,
Дарил любому тень и благодать.

Приходит старость к каждому с годами,
Пришла к нему. Морщинист стал, кряжист.
Под ним подстилка хвойная слоями,
Ведь корни уж не держат, хоть плечист.

Однажды странник, солнцем утомлённый,
Под ним расположился на ночлег,
И воздухом кедровым упоённый,
Прикрыл глаза спокойно человек.

Вдруг слышит чутким ухом – стон раздался,
Прислушался, услышал разговор:
«Еще вчера б я с миром распрощался,
Но подо мной, судьбе наперекор,

Усталый путник, слаб и безмятежен, –
Так старый кедр другому говорил –
Хоть мой уход из жизни неизбежен,
Стоять придётся до последних сил!»

Поднялся человек, к нему прижался,
За верность, доброту благодаря.
Со стоном старый кедр закачался,
И тут же рухнул, жизнь прожив не зря.

**Алтайский кедр, или сосна сибирская кедровая –
один из видов рода сосна.*

*Кедр в Горном Алтае самое почитаемое дерево.
До сих пор коренные жители поклоняются кедр-
кормильцу.*

Сказание о Телецком озере (Алтын-кёль)

Как быстротечная вода,
Ушли в небытие года...
На месте озера, светла,
Долина чудная цвела.

Здесь исполины-тополя
Шумели, землю веселя,
А горы, к небу воспарив,
Стеснялись золочёных грив,
Копчёных, как большой курут.
Здесь, в сердце гор, нашли приют
Два брата, два богатыря,
Долину ту боготворя.
Хотелось каждому из них
Ей завладеть, но спор утих.
Решили перестать кричать,
Не лучше ль будет помолчать?
Нарушит первый кто обет,
Тому и не видать побед.

Сто дней молчали, сто ночей,
Но не забылось зло речей.

Сидели так, не зная сна,
И видят – девушка-весна
Идёт долиной и поёт.
Богатыри, разинув рот,
Вскричали оба: «Уй-кижи!»
И вдруг исчезли миражи,
Их оглушил могучий гром,
Сверкнула молния, потом
Густой туман в долину лёг –
Огромный белый мотылёк...
Когда рассеялся туман,
Открылся их самообман:
На месте том, о чём был спор,
Лежало озеро среди гор.
Не в озеро ль ушла она:
Шаманка, девушка-весна?

Нырнули в озеро с вершин,
Взметнулись волны из глубин,
Сорвали шапки с белых гор,
И долго эха мощный хор
Всё повторял: «Теле, теле...»
Богатыри уж на земле.

Взялись девицу громко звать,
Златые горы обещать.
Их спорам положил конец
Давно всё видевший Творец:
Последний раз взлетел их крик
И вихрем взвились в тот же миг
Богатыри, ветрами став.
Так поумерил Он их нрав.

Народ подметил, что с тех пор
Еще сильнее меж них раздор.
То рыщет понизу один,
Касаясь озера морщин,
Его Низовкою зовут –
Порывы ветра волны рвут.
То сверху налетит другой,
Нарушив временный покой.
Всё ищет, не терял чего –
Зовут Верховкою его.

С тех пор, сколь люди здесь живут,
Телецким озеро зовут.

Золотое озеро, или Алтын-кёль

Вам расскажу не ради красного словца,
Как золота кусок нашел мужик,
Величиною с голову тельца.
Тут радости его не передать границ –
Он сказочно богат! Его счастливый крик
Вспугнул вокруг доверчивых синиц.

В те времена повсюду глад и мор ходил,
И на Алтае он немало наследил.
Народ жил скромно, подтянувши пояса,
Лишь озеро кормило, да леса,
Стоявшие вокруг него стеной,
То солнцем золочены, то луной.

Вот золото мужик принес домой.
Крутил, вертел его он так и сяк:
«Да все равно продам,
Поди я не дурак!
Закупим рожь, пшеницы запасем,
Авось, в голодный год не пропадем!»

Пришел на рынок злато продавать,
А камень не берут, не нужен, зная.
Что делать? Долго счастье продавал...
Куда деваться с ним, поверь, не знал.
В желудке пусто, в голове хаос...
«Куда же камень деть?» – возник вопрос.

Приплелся к озеру, собрав остатки сил,
Швырнул с досады камень, утопил,
Чтоб не накликать на семью излишних бед.
Давно известно, что от злата толку нет.
Об озере с тех пор болтают Золотом,
А хлебушек стараются добыть трудом.

**Алтын-кёль (в переводе с алт. – «Золотое озеро»).*

Чуйский тракт

Не разгадаешь – сколько лет отмерено.
Ведёт в лесах кукушка времени отсчет.
Судьба нелёгкая народов трёх уверенно
В морщинке каждой строгих скал живёт.

В краю, богатом, говорят, даров немерено,
Здесь день и ночь Катунь цветком цветёт,
Тропа торговая лежит, в горах затеряна,
Скитальцев и купцов с собой зовёт.

На той тропе следы, как прах, развеяны.
И ветры странствий бродят среди столетий,
Да караваны лет плывут размеренно,
Ведя подсчёт побед и лихолетий.

Здесь тучей чёрной шли завоеватели,
Край замирал под игом мёртвым сном.
Шли староверы в Беловодье и старатели,
Макарий с миссией духовной и крестом.

По тропам тем проложена дорога
Крестьянами ближайших деревень,
Да заключенными Сибирского острога,
На ком лежала преступлений тень.

Легенды здесь туманным покрывалом,
Окутав придорожные места,
Нам открывают разных тайн немало,
Жизнь начиная с чистого листа.

**Чуйский тракт – часть современной дороги от Бийска до границы с Монголией протяжённостью около 630 км.*

Майма–Чергачак

Ища опоры, с Русью вольной
Навек судьбу свою связал
Народ алтайский – добровольно
России подданство принял.

И вот уж русские обозы
Дорогу торят по степи,
Ни холода, ни зной, ни грозы
Их не пугают на пути.

Пришли к реке тропинкой торной,
Земля понравилась вполне.
Дома построили проворно
В предгорной этой стороне.

Волов для пахоты пригнали,
Пшеницу сеяли, табак.
Недолго думали-гадали,
Село назвали Чергачак.

С другого берега смотрели
Тайком кочевники на них.
Дивились, меж собой гудели:
«Откуда столько здесь чужих?»

Однако поняли – поладят,
Сюда пришли не для войны.
Копают землю, строят, сажают,
И миролюбия полны.

А этот берег тоже видел,
Как на другом за ними глаз:
«Кого бояться – не обидят!
Мы с миром к ним. И вот весь сказ!»

Так, постепенно, привыкали,
Друг друга стали узнавать,
Тому учиться, что не знали,
Что у соседей нет – давать.

А позже вовсе подружились,
Совместно мост соорудив.
Ну а потом перероднились –
Народ рождаться стал красив.

Майманы с русскими решили
Объединиться – добрый знак!
Село-гнездо совместно свили,
Назвав Майма и Чергачак.

**с.Майма — (от названия алтайского родо-племенного союза майманы).*

Бабырган и Синюха

В год голодный Кудай бросил с неба курут,
Подхватили его Бабырган и Синюха.
Тянут каждый к себе и друг друга клянут,
Каждый хочет набить своё брюхо.

Не на шутку у них разыгралась борьба.
Стала камни Синюха швырять в Бабыргана,
И такая вокруг разразилась пальба –
Разозлила совсем великана!

Начал камни, деревья и корни бросать
На Синюху, чтоб стало ей больно.
Сам Кудай драчунов был не в силах унять,
Хмуро с неба смотрел, недовольно.

А когда надоело, послал чудеса:
«Нянькой быть тебе зверю и птице!»
И на лысой Синюхе возникли леса,
Всем добро раздавая сторицей.

А потом Бабыргана в хозяина скал
Превратил второпях, между делом.
Глыбой каменной вмиг пред Кудаем он встал,
Кружат птицы над ним оголтело.

** **Бабырган** – одиноко стоящая скалистая гора на левом берегу Катуня, в переводе с алтайского – «белка-летяга».*

** **Синюха** – гора в Майминском районе. Высота горы – 1210 м. *Кудай – считается Верховным Богом в тюркской мифологии.*

** **Курут** – соленый овечий подсушенный сыр.*

Бабырган

Никто и не помнит когда, но давно,
Где кедры пронзают небес полотно,
Где воздух прозрачен, объемлем и пьян
У хана Алтая рос сын Бабырган.
Любил его старый отец больше всех,
Но сын той любви не ценил средь утех –
Капризным ребенком и баловнем был,
Давно средь людей забиякой прослыл;
Умел он уздечки и плётки плести,
Задиристо мог кулаками трясти.
Немеренной силой Бабыр обладал,
В бою себе юноша равных не знал.
Напрасно ждал помощи старый отец.
В сердцах выгнал вон из семьи, наконец.
С тех пор одиноко живёт Бабырган,
Стоит средь разглаженных ветром полян.
Высокие скалы-кинжалы остры,
Средь серого камня – рябины костры.
Алтаю шлет весточки, письма-дожди:
Исправлюсь и стану послушным, мол, жди!
Когда Бабырган разобижен, в сердцах,
Он непогодь шлёт на владенья отца.
Алтай принимает и дождь, и буран,
Ведь их присылает сынок-Бабырган.

**В переводе с алт. «Бабырган» означает «белка-летяга», зверек чувствительный к перемене погоды. Гора Бабырган для местных жителей – в качестве синоптика: ясная вершина – хорошая погода, облака на вершине – к ненастью.*

Ханша Тавда, или легенда о Тавдинских пещерах

В горах Алтая в давние года
Жила скупая и сварливая Тавда.
Злой скрягой средь людей слыла в миру,
Но жадность не могла унять хандру.

Считала день и ночь она добро:
Скотину, упряжь, птицу, серебро.
Но ханше мало – с каждым днём всё злей,
Придумала, как сделать побольней.
Сказала: «Если дань не будет в срок,
Побольше вам накопится оброк».
Понурые бродили рыбаки –
Давно уж рыбы не было в реке.
Охотники повыбили всю дичь:
Марала, кабарги не слышен клич.
А ханша: «Сыновей возьму в полон!»
По всей округе тут раздался стон.
Нет ничего ценней для матерей,
Чем жизнь и счастье собственных детей.
Никто не знал, как ханшу укротить.
Короче становилась жизни нить.
Но люди пришлые явились в те места:
Муж да жена, как списаны с холста.
Муж – Манжерок, гончар был хоть куда –
Всегда в кувшинах свежая вода.

Жена – Катунь, придумщица затей,
Прославилась плетением сетей,
Умением вышивать поля ковров
И навыком смирения ветров.
О них скатилась слава по горам,
Прибилась прямо к ханшиным ногам.
Оброком та смутила их большим,
Но Манжерок был тверд, неустрашим!
Пришли к Тавде, с поклоном, точно в срок,
Достали им назначенный оброк.
У мастера в руках кувшин без дна,
У мастерицы – сеть, дыра одна.
– Сюда войдёт кумыса сколько есть,
А рыбы сетью выловишь – не счесть,
Озера, реки ей опустошишь
И хоть тогда, быть может, замолчишь!
Тут поняла Тавда, в конце концов,
Что мастера смеются ей в лицо,
И, посох заколдованный схватив,
Коснулась Манжерока, обратив
В большое озеро. Катунь – бежать,
Но ханша посохом беглянку хватить!
Катунь успела крикнуть лишь: «Прощай!»
И иглы обронила невзначай,
Какими вышивала много лет,
И вместо них, как будто бы в ответ,
С тех пор чилим в том озере растёт.
Несчастлив станет, кто орех сорвёт.

Во гневе ханша топнула ногой
От смелости и вольности людской!
Тут вздрогнула и треснула земля,
И дыры, словно люки корабля,
Открылись, и со всем своим добром
Она исчезла. В небе грянул гром.
Так ханша жадная, не зная меры,
Открыла путь в Тавдинские пещеры.

**Чилим – орех, реликтовое растение, занесённое в Красную книгу России. Скорлупа ореха черного цвета. Чилим имеет причудливую форму, в виде головы чертика с четырьмя острыми рожками, поэтому, наверное, в народе их называют «чёртиками» или рогульником.*

**Тавдинские пещеры – массив пещер карстового происхождения на границе Майминского района Республики Алтай и Алтайского края.*

О Бие и Катунь

Бесконечно давно, средь бескрайней равнины
Хан Алтай всемогущий, богатый царил.
Тучи ханских отар колыхались в долинах.
Бий – пастух молодой, от волков их хранил.

Много было богатств у великого хана,
Но сильнее всего дочь Катунь он стерег.
Часто сватались к ней женихи, раз за разом
Отправляла ни с чем, указав на порог.

Про любовь между Бием и дочерью хана
Как-то раз донесли, наконец-то, отцу.
Нищета пастуха стала главным изъяном –
Запретил даже близко являться юнцу.

Выбрав ночь потемней, дочь исчезла из дома.
Поутру хан отправил за нею войска.
Стаи молний метал, устрашал её громом,
Но её не нашёл. Вместо дочки – река...

В гневе хан превратил своих подданных в камни.
Дальше всех на равнине – застывший курган...
Много скал появилось тогда без названий,
Лишь последнему имя дано – Бабырган.

Ну, а Бий и Катунь обнявшись, превратились
В реку Обь и помчались всё дальше, смеясь;
С гор алтайских в пустую долину спустились,
Ничего не боясь, никого не таясь.

**Катунь – главная река Горного Алтая; вытекает из ледника южного склона горы Белухи. Длина Катунь около 680 км. Местное название реки – Кадын-Суу. Катунь – по-алтайски «кадын» – госпожа, хозяйка.*

«Бычье сердце»

(легенда о Манжероке)

Давным-давно то было: средь болот,
В густой тайге, местах непроходимых,
Родник струился чистый, без забот,
Его стерег огромный бык непобедимый.

Летали птицы выше облаков
И тайну леса разгадать страшились,
И зверь бежал от мест тех далеко,
И змеи с неизбежностью смирились.

Среди людей бывали смельчаки,
Рвались пройти тропой к заветной цели,
Но, сделав только первые шаги,
Страх одолеть герои не сумели.

В одном селе у скромного юнца
Однажды заболела мать, к несчастью.
Давно уж не было хозяина-отца.
Покорны слабые всевышней власти!

Неразделим сын с матерью своей –
Уйдет она – как жить на белом свете?
Родней ее не сыщешь средь людей,
И матери бесценны её дети!

Знахарок звал, чтобы вылечили мать,
Но все старания напрасны были.
Сказали: «Надо смерти ожидать...»
А как её встречать – не научили.

В селенье дальнем старенький шаман
Ему поведал про родник с живой водою.
Взял смелый юноша в дорогу ятаган,
Пошел тропой звериной к водопою.

Нечистой силы в царстве мглы полно,
Но мысль о матери в него вселяла волю.
«Знать, испытать мне это суждено!» –
Так расценил он свою долю.

Вот вышел на поляну – бык стоит,
Копытом землю месит, туч чернее,
В глазах огонь безжалостный горит.
Не видел парень никого страшнее!

– За сотни лет, что я хранил родник,
Никто не смог прийти сюда донине,
Ответь, как ты сюда проник?
Поплачет мать о глупом своём сыне!

Собрался с духом, вымолвил с трудом:
– Наслышан я, что ты хранишь криницу,
Прошу тебя лишь только об одном –
Мать умирает, дай набрать водицу!

– О, юноша, увидел я впервой,
Как велика любовь сыновья!
Не дам глотка, ручаюсь головой,
Пока не выполнишь одно условие:

С тобой намерен состязаться в беге.
Обгонишь – я целебной дам воды.
Не вздумай даже мыслить о побеге,
Но обогнать меня – напрасные труды!

Понесся бык, а юноша за ним,
От стражника ничуть не отставая,
Силен, бесстрашен и неутомим,
О матери больной не забывая.

Не выдержало сердце у быка
От жалости к стараниям сыновним.
Беспомощно уткнулись в мох рога:
– Да, юноша, ты выполнил условие.

Ты победитель! Ты меня сильнее! –
Сказал, упав, хранитель круторогий.
А юноша, набрав воды, быстрее,
Заторопился снова в путь-дорогу.

Тут бычье сердце разлетелось на куски.
По всей тайге, от края и до края,
Как звезды, загорелись огоньки,
Дорогу благосклонно освещая.

А верный сын спешит увидеть мать,
И напоить водою родниковой.
Она, отведав три глотка, опять
На радость, стала молодой, здоровой!

В том месте, где волшебный бил родник,
Селенье «Бычье сердце» основали.
Так, по сказаньям, Манжерок возник
В алтайской синей, горной дали.

(Написана на основе легенды М.Ю. Образцовой)

***Манжерок** – озеро, село и река в Майминском районе. Находится в 116 км от г. Бийска, у подножия горы Малая Синюха (1196 м.)

Существует две версии происхождения этого названия: «сторожевая или туманная сопка» и «бычье сердце».

Аржан-Суу

В краю, где гор царят хребты,
Где речки звонкие чисты,
Меж небесами и землей
Жил-был охотник молодой.

Рука тверда и меток глаз
И ноги крепки – камень скал.
В горах охотился, к нему
Навстречу выбежал марал.

Охотник выстрелил, и он
Шатнулся вдруг, но не упал.
Лишь эхо повторило стон,
И зверь по насту побежал.

Марал к источнику спешил,
Чутьё его туда вело.
Спешил в места, где воду пил,
Где всякий раз ему везло.

С размаху прыгнул в Аржан-Суу –
И исцелен живой водой,
Исчез в родном ему лесу.
Стрелок подъехал той порой.

Не веря в волшебство ручья,
Сухого хариуса кинул,
Ожив, сверкнула чешуя.
Охотник вовсе рот разинул.

А рыба плавала, резвясь,
Взбивая плавниками ил,
Тут шкуру выдры, торопясь,
Он бросил. Трубку прикурил.

Заметив хариуса, вслед
Зверек – в погоню за добычей...
Не зря источник много лет
Святым Аржаном люди кличут!

Усталых путников приют,
Жилище родниковых песен!
В нём вечером воды не пьют,
И грубый крик здесь неуместен.

**Аржан-Суу – источник, памятник природы
Республики Алтай. В переводе с алтайского «аржан-
суу» означает «серебряная вода».*

Девичьи плёсы

В долине среди вечных гор,
На берегу речушки вздорной,
Красивый, сильный жил народ,
Одним лишь духам гор покорный.

Однажды лисьею тропой
Сюда отряд маньчжур прокрался.
Уж очень лакомым куском
Алтай свободный им казался!

Напали дерзко и врасплох,
Глашатаи трубят победу!
Но что за странный там всполох,
Подобный свежему рассвету?

Блистая саблей на скаку,
Народа дочь – Мерей навстречу
Неслась, как приговор врагу,
На ратный бой, на злую сечу.

Злодеев много полегло
В бесстрашном яростном сраженьи.
Должно наказанным быть зло
Прямым потомкам в наставление!

Отвагой покорен вожак.
Отдал приказ: «Схватить живую!»
Пленить её задумал враг,
Но в пропасть та с конем – впустую.

Лишь ухнул горестно утес,
Прощаясь с девушкой отважной.
Вот так возник «Девичий плес»,
Здесь слышен ветра плач протяжный.

Её ослеплен красотой,
Вожак маньчжур – за ней с утеса...
И у реки нашел покой.
Кипят там воды выше плёса.

**Девичьи плёсы – В Усть-Канском районе, на стремительной горной речке Кумир, близ с. Усть-Кумир, есть тихое, красивое место с таким названием.*

Уч-Сумер (Белуха)

В могучем сердце снежных гор
Одна – трехглавая – всех выше.
Вокруг нее лежит простор,
Что волей Духов послан свыше.

И каждый местный проводник
Взор не поднимет на отроги,
И в шёпот превратится крик
От ужаса, что рядом боги.

Гора зовется Уч-Сумер –
Три почитаемых вершины
Фантазий светлых и химер
Рождают дивные картины.

Давно когда-то на спине,
Как мир огромной чудо-рыбы,
Земля качалась на волне
И вдруг от качки встала в дыбы.

Алтай сковали ледники.
Пошли за помощью к Ульгеню
Толпою духи-ходоки –
Поможет в горе, без сомненья!

Но светлая Умай-богиня
Не дождалась прихода их,
И превратила в гор твердыни
Замерзших сыновей своих.

Так три вершины появились:
Вершина средняя – Умай,
По сторонам две с нею слились,
Собой украсив дивный край.

Белуха или Уч-Сюмер
Известна всем, как место силы,
Соединенье тайных сфер,
И пристань духов белокрылых.

Катунь-река берет начало
С великих этих ледников,
Которые, подняв забрало,
Дают основу всех основ.

**Белуха – самая высокая вершина Сибири (4506 м).
Алтайское название – «Уч-Сумер» – «Три вершины».
Служит у алтайцев объектом почитания.*

Чёртов палец

В горах Алтайских воин жил, Куюм,
Был храбрым, умным, хитрым, как лисица.
Услышал как-то он в долине шум,
То враг, злой Черто, посмел явиться.

Владеть богатством враг захотел,
Собралось войско на борьбу с злодеем,
Но страшен он, сноровист и умел.
Смирить не получилось лиходея.

К Алтаю-старцу посланы гонцы
За мудрым и спасительным советом.
Боялись за своих детей отцы,
И старец их порадовал ответом:

«Да, есть на белом свете лишь один,
Кто может победить в бою неравном.
То молодой Куюм – Алтая сын.
Ну, а теперь скажу о самом главном.

Когда вдруг станет тихо и темно,
Когда луна замрет на небе звёздном,
Тогда с врагом всё будет решено:
Уснет на время крепко изверг грозный,

Навечно ненасытного врага
Копытами коня он втопчет в землю.
Избавитесь от зла наверняка,
Коль будете моим советам внимать!»

Наказы старца выполнил Куюм,
Лишь палец Черто над землёй остался;
Со временем и он окаменел,
В народе «пальцем Чёртовым» прозвался.

** **Чертюв палец** – одинокая скала, стоящая на левом берегу Катуня, в предгорьях Алтая.*

Глаза красавицы Катунь, или Голубые озера

Однажды у знатного хана Алтая
Красивая дочь родилась, но слепая.
Катунь – дал ей имя счастливый отец.
Заботился, выросла дочь, наконец.

Надежно хранили Катунь от врага
Отец и родные ее берега.
Она веселилась, плескалась, играла,
Казалось, ни бед и ни горя не знала.

Но как-то с поклоном к отцу подошла:
«Я долго на свете без глаз прожила,
Уж очень мне хочется видеть наш край –
Прекрасный, таинственный чудо-Алтай!

Живу в темноте я уже много лет,
А так бы хотелось познать белый свет!
Отец, помоги обрести мне глаза!»
По смуглой щеке покатилась слеза.

Вздыхнул мудрый хан и, помедлив, сказал:
«От древних шаманов я вот что узнал –
Сказали они, чтобы в лунную ночь
Оставил в горах я прекрасную дочь,

А утром, как только заблещет роса,
Умыться ей надо – прозреют глаза!
Весеннее солнце, вот только боюсь,
Ослепит тебя, да ты, дочка, не трусь,

Остынет горячее к осени, жди,
Прольются на землю святые дожди.
Весь мир на ладони предстанет, как есть,
И край свой увидишь!

Вот весть, так уж весть!»

Как сказано – сделано! В лунную ночь
Увел хан Алтай в горы темные дочь,
Да там и оставил. Наутро роса
Промыла больные Катунь глаза.

Два озера синих, прекрасней небес
Увидели люди и горы, и лес.
И ветер – осенний разбойник затих:
Дочь хана Алтая смотрела на них.

С тех пор каждый год открываются в срок
Озера, лишь осень придет на порог.
Волшебны они, как чудесные сны!
Любуются ими до самой весны.

** Голубые озера – система озёр на реке Катунь.
Они расположены по левой стороне Катунь в 4 км от
с.Аскат.*

Каракольские озера

В далеко-дальни времена,
Средь гор туманного Алтая
Жил кровожадный, злой дракон,
Слетал со скал, и, жутко лая,
Безжалостно съедал людей.
Уж сотни лет светило мирно,
Видя это, солнце красно.
И бездну горя тот познал народ!
И пробовал сразить его – напрасно!

Слезами горькими
Залит священный край...
К богатырю пришли страдальцы,
К Сартакпаю: «Выручай!»
Он с лука пыль стряхнул,
Затылок смачно почесал,
Потрогал тетиву, колчан достал,
И смело в бой пошел.
Летели стрелы в змея роем...
В сраженьях Сартакпай
Давно прослыл героем,
Не зря богатыря хвалили!
Дракон бежал и, истекая
Кровью липкой, черной,
Оставил семь следов;
Стекла в них кровь
Змеёй проворной.
В местах следов огромных
Семь озер образовались.
В народе Черными иль
Каракольскими прозвались.

Легенду эту с малых лет здесь
Твёрдо знают. В сказаньях,
Песнях, Сартакпая прославляют.

* **Кара-кол** – в переводе с алтайского – «чёрное озеро».

Озеро Ая — Лунное озеро

Жил на Алтае людоед,
Он Дельбегенем звался.
Безжалостный, сварливый был,
В селенья пробирался;

Съедал людей, домашний скот,
Наделав шума много.
У солнца помощи просить
Народ стал: «Ради Бога,

Спаси от Дельбегеня нас,
Сожги его лучами,
Силен он в ярости своей,
Не справимся мы сами».

Пустилось солнце в длинный путь,
Наказы выполняя,
Но чуть не сжарилась Земля,
Как льдинка, быстро тая.

Тогда за помощью пошли
К Луне холоднотелой,
Она спустилась лишь на миг —
И людоеда съела.

На месте том, внутри горы
Забил источник смело
С водой холодной, ключевой
И вскоре сделал дело:

Как-то раз объявила она непреклонно:
«Кто сорвет эдельвейс, тот годится в мужья!»
Шли один за другим в горы сотни влюбленных,
Да напрасно – она оставалась ничья.

И однажды пришёл, отыскался отважный,
Кто, рискуя, нарвал эдельвейсов букет.
Но когда она вышла, все стало неважно:
Ведь красавице было за семьдесят лет!

**Эдельвейс – цветок высокогорий, в народе его иногда называют войлочной звёздочкой. Альпинисты считают, что этот цветок символизирует жизнь человека, поэтому, никогда его не срывают.*

Мертвое озеро

Сказаний много рождено Алтаем,
О Мертвом озере одно из них гласит.
То озеро, на взгляд, сравнимо с раем –
Средь голых скал таинственно парит.

То синь сверкает в нём, как от сапфира,
То зелень свежестью пылает, как нефрит.
Вода в том озере подобна эликсиру,
И неизбежно путника манит.

Но в жаркий день нередко замечали
Мельканье сине-призрачных столбов,
И жутко скалы черным ртом шептали
Под звуки настигающих шагов.

Порой, казалось, пики снежных гор
Давили тяжестью, огнем мерцали,
Как неизбежность, настигал всех мор,
И, обезумев, люди умирали.

С тех пор о нем недобрая молва
Стрелой летящей разнеслась по свету:
Ни одного живого существа...
Но тайна озера скатилась в Лету.

**Мёртвое озеро – находится в Улаганском районе, в верховьях р. Чибитка, его алтайское название Чёйбеккёль. Считается, что в связи с наличием в воде соединений ртути, в озере не водится рыба, отсюда и название.*

Карлагаш

Среди ощерившихся скал,
Где волком воет хищник-ветер,
Злой дух Алтая обитал,
Он был за молнии в ответе.

Он в горне их своим калил,
Тяжелым молотом вращая,
Небесных духов часто злил,
Из молний искры высекая.

Устав однажды от трудов,
Уснул лукавый в колеснице.
И тут в его волшебный кров
Влетела маленькая птица.

Подкралась к горну, взяв углей,
Порхнула в щель чугунной двери
И понесла их для людей,
В любовь и доброту поверив.

Разбужен Эрлик шумом крыл;
Увидев юркую воровку,
Топор в сердцах в нее пустил,
Но птичью не учел сноровку –

Лишь часть хвоста ей зацепил.
Взлетела птица над вершиной,
В её когтях огонь светил,
И искры сыпались калиной.

Так ласточка людей спасла
От мрака вечного и хлада,
Им подарила часть тепла,
Не требуя за то награды.

С тех пор с рассеченным хвостом
Над миром карлагаш летает,
Поближе к людям строит дом
И жизнь любовью наполняет.

* *Карлагаш* – в переводе с алтайского – ласточка

* *Эрлик* – злой Дух Алтая.

Плато Укок

В долине горной, в царственном краю,
Вдоль синей речки – верности признанья,
Стоят сурово в каменном строю,
Незыблемые глыбы-изваянья.

Они покой курганов стерегут,
И вечность благодарна им за это.
В них души мертвых все ещё живут.
И можно разглядеть их силуэты!

Надежда Кетрарь

Камлал шаман

Камлал шаман под светом звезд беспечных,
Посеребренных отблеском снегов.
Под звуки бубна космос бесконечный
Внимал мольбе ему понятных слов.

Плясал шаман по колдовскому кругу.
Взметнулся ярким пламенем костёр,
Волшебным светом озарив округу,
Под воющих волков нескладный хор.

Кричал шаман, взывая к древним духам,
Казалось, что в него вселился бес.
И пепел от костра ложился пухом
На замерший в молчанье зимний лес.

Стонал шаман, прося у духов мира,
Заканчивая тайный ритуал.
Природа с ним об этом же молила.
С рассветом он без чувств на снег упал.

Степные камни Хан-Алтая

В степи спят воины в курганах,
укрытые землей.
И коршун криком не нарушит
извечный их покой.
Где были битвы – только камни
безмолвные стоят
В степи глухой. И в даль седую
задумчиво глядят.
Всё помнят эти старожилы,
и на крутых боках
Запечатлело время войны,
прошедшие в веках.
И кровью эти истуканы
не раз обагрены –
Свидетели боёв неравных,
и не одной войны.
Вглядишься и ты, усталый странник –
услышишь стук копыт.
Очам твоим герой предстанет,
что был людьми забыт.
Услышишь ты звук сабель звонких
и тихий свист стрелы.
Отряды воинов бесшумно
встают из вечной мглы.
В боях лихих немало жизней
оборвалось, как жгут.
Степные камни Хан-Алтая
покой их стерегут.

Священное озеро

Священное озеро – вечный покой,
Хранящее тайны под чистой водой.
На чьих берегах кедр в почву вращал,
Чьи светлые воды пил гордый марал;
На глади которого зыбкая рябь
Задумчиво смотрит в небесную хлябь.
О чём его думы в ночной тишине?
Наверно, о кладе, сокрытом на дне;
Охотнике с рысью, пронзенной стрелой;
О страннике бедном, с потертой сумой;
Быть может, о вражеских жарких кострах,
Несущих с собою погибель и страх;
О воинах смелых могучей земли,
Что в водах посмертно покой обрели;
О плясках шамана в безумной ночи...
Всё озеро помнит – но только молчит.

Старый кам

Густые сизые сумерки скоро опустились на горную долину. По краям её возвышались ещё не тронутые апрельским солнцем горы, укутанные в плотное снеговое одеяло. Небольшое село, укрытое от лихих бурь, уютно расположилось в чаше этой долины и сейчас готовилось ко сну. На крыльце, попыхивая горьковатым дымом папиросы, сидел Василий. Немало дум было в его голове. Слишком много чего в последнее время свалилось на его дюжие плечи. И долгожданная беременность Настасьи, с её слабым, не деревенским здоровьем. И болезнь матери, за этот месяц сильно обострившаяся. И нагоняи на работе за постоянные отгулы из-за поездок по больницам. Не понимал начальник, который целыми днями пропадал в конторе (подальше от своей склочной жены), что для Василия семья дороже работы. Выгонят – так, Бог даст, как-нибудь шабашками себе и Настасье на хлеб заработает.

Устал парень, так и не привыкший к вечному шуму и городской суете, от толкотни и людского безразличия, и поэтому три года назад вернулся в родное село. Хотя до этого он несколько лет работал в городе электриком в крупной фирме и получал совсем неплохую зарплату. Настасью, проработавшую учительницей в школе, долго уговаривать не пришлось. За любимым мужем она хоть на край света. Ценил Василий больше спокойствие и тиши-

ну, чем так уважаемые многими большие деньги...

На крыше затянули свою какофонию еще не отрезвевшие от марта коты. Он зло шикнул на них и с досады плюнул. Ниже по улице дружно забрехали собаки. Вот и цепной пес Коська с заливистым тьяканьем присоединился к этому хору. Настороженная собачьим лаем, на крыльцо вышла Настасья, накинув на плечи пуховую шаль. Тихо скрипнула калитка, и во дворе появился силуэт Викторovны – материной соседки. Дрожащим голосом она сказала: «Вась, там совсем матери плохо». Сколько раз мать звали перебраться к сыну, но она все отнекивалась: «Зачем вам, молодым, смотреть на мои мученья». Поэтому попросили соседку присмотреть за ней. Василий тяжело вздохнул, и, быстренько накинув выходную куртку, отправился заводить старенький уазик. Скорую из райцентра всё одно не дождёшься. Тут на своей машине всяко быстрее будет.

Врач в приёмном покое не стал долго осматривать мать Василия (не первый раз уже здесь). Поставил обезболивающее, а потом сухо сказал: «Вези обратно. Не жилец она. Дома и помирать-то легче, да и тебе лишний раз в такую даль не мотаться». В который раз врачи отрещивались от Степаниды Ивановны, матери Василия.

Сын с матерью добрались домой только под утро. Измотанная тяжелой дорогой и непрекращающейся болью, чуть приутихшей под действи-

ем обезболивающего, пожилая женщина, наконец, уснула. Василий с женой порешили оставить мать у себя. Настасья согласилась, несмотря на то, что ей, с тяжелой беременностью, запрещено волноваться. Понимала: в таком состоянии мать Василия нельзя оставлять одну.

Хоть и махнули рукой врачи уже давно на Степаниду Ивановну, но сын все никак не мог с этим смириться. Мать всю жизнь воспитывала его одна. А отец Василия Степаниду ещё беременной бросил и укатил на Дальний Восток. С тех пор – ни слуху, ни духу. После работы в колхозе спешила домой, отдавала Васятке от себя всё самое лучшее. Немало сил вложила в его воспитание и образование, так что просто закрыть глаза и дать матери дальше тяжело угасать в муках, Василий позволить себе не мог.

Суетливый день незаметно разменял спокойное утро, принеся с собой долгожданную оттепель. На еще не оживших деревьях весело зачирикали воробьи. Всё радовалось наступившему весеннему деньку.

Проспав пару часов, парень с горькими мыслями отправился к Прокофьючу, считавшемуся в селе кем-то вроде ведуна. Местные, разочарованные в современной медицине с её дорогими лекарствами, нередко обращались к нему за помощью. Старик, пригревшись на солнышке, сидел на лавочке около

низенькой избушки и перебирал сухие целебные травы. Василий поздоровавшись, присел рядом и рассказал о своей беде. Знахарь, не прекращая заниматься делом, и поглаживая длинную бороду, произнес: «Тут ни одна травка не поможет». Посмотрел на расстроенного парня, молча зашёл в избу и вынес деревянную коробочку с крошеным табаком и ровными клоками газеты, и закрутил самокрутку. Ведун попыхивал горьким табаком чуть ли не в лицо парня. Василий закашлялся. Старик же продолжил: «Тебе к шаману надо. Если уж и он не поможет, то на днях готовьтесь к поминкам». При упоминании о похоронах, парень зло посмотрел на ведуна, а потом спросил: «А где его искать-то?». Дед прищурился, выпуская вихреватые клубы дыма: «Выше в горах, за Темным Бомом* и живет шаман. Только кам этот такой древний, что, кажись, совсем из ума вышел. Ещё бабка моя рассказывала, что он в её детстве уже был седой. Сколько ему сейчас — никто не знает. Коль уж он не согласится — не обессудь, Василий». Парень молча вышел из избы.

Дома мать уже не могла есть. Только стонала и в бреду звала свою покойную мать. Весь день Василий провел в тяжёлых раздумьях. К вечеру Настасья, ни сомкнувшая глаз ни на минуту около постели свекрови, обняла мужа за плечи и тихо сказала: «Решайся, Вася. За спрос тебе ничего не будет».

На следующее утро Василий выпросил у соседа молодого жеребца и после недолгих сборов отправился в горы. Непрост был путь парня до жилища старого кама. Поднимаясь в горы, конь то и дело спотыкался о торчащие из-под снега камни, а по длинному ущелью он еле брёл, утопая по брюхо в снежных заносах. Лишь к вечеру, когда показался аил шамана, жеребец пошел помягче по твердому насту лыжни, накатанной охотничьими лыжами.

Аил, с крышей, крытой лиственнной корой, совсем потемнел от прошедших неизвестно скольких лет. Он стоял на пригорке, за которым широкой полосой простирался кедровый лес. Рядом с аилом, у коновязи, стоял древний алтаец низенького роста, с испещренным морщинами лицом. Старик был в овчинной шубе, рысьей шапке с длинной кистью из синих ниток, на ногах его были ичиги*. Он курил длинную трубку с деревянным чубуком, набитую какими-то незнакомыми, но приятно пахнущими травами. Посеревшее жилище было чем-то похоже на своего хозяина. Наверно, невозможностью определить их возраст.

Шаман приветливо улыбнулся своими раскосыми глазами и поздоровался.

– Дякши, уул*, – и на чистом русском сказал:

– Долгим же твой путь до меня был. Знаю беду твою, Василий.

Старик докурил трубку, выбил пепел и убрал её

в голенище сапога. Парня несказанно удивило, что шаман знал о нём.

Старый кам, опираясь на невысокий столбик коновязи, продолжил:

– Я могу помочь твоей матери. Только в сказки придётся поверить.

Легкая улыбка скользнула по губам молодого парня:

– Согласен, конечно. Выбора у меня всё равно нету.

– Тогда проходи в моё жилище. Не будешь же по темноте домой возвращаться.

– И то правда, – Василий за веревку длинного чумбура привязал жеребца к коновязи и проследовал в аил, вслед за неспешно шагающим стариком.

Вход в аил располагался, по обычаю, с восточной стороны. Василий низко склонился, войдя в жилище. Аил внутри оказался намного просторнее, чем выглядел снаружи. Внутри было сумрачно. В отблесках костра, находившегося посередине жилища, дым и копоть от которого уходили прямо в дыру на крыше, виднелись сушённые травы, висевшие над головой, кое-какая кухонная утварь, закопченный котелок и пара лежанок, одна из которых, явно, много лет была нетронута. Весь быт внутри жилища словно бы говорил, что его хозяин давным-давно живёт один. На стене, поблёскивая натянутой окружностью, висел шаманский бубен, над которым примо-

стилась шаманская шапка-птица: гордость хозяина. Кам снял верхнюю одежду, подбросил дров в костёр и показал рукой на место у очага. Парень присел. Старик же из кожаного ташаура налил в чашку немного араки и вместе с куском вяленой конины предложил парню. Тот не отказался, знал, что так принято.

Сидели молча. Тишину нарушало лишь гулкое потрескивание костра. Затем старик молча улегся на лежанку, накрылся выделанной овечьей шкурой, отвернулся к стенке и заснул, негромко похрапывая. Василию не спалось. Всё переживал о Настасье с матерью...

Звёзды беспечно поглядывали в засыпающий аил через дыру в крыше. Быстрый огонь вскоре слизал сухие дрова в костре. Остались тлеть переливающиеся огоньками головешки. В наступившей тишине раскатисто зашумел кедровый лес. За дверью что-то негромко зашуршало, потом на лиственной крыше стали различимы шаги. Молодая кедрушка, растущая у входа, стала недовольно скрести жесткими ветками об стену. Забрякала немногочисленная стариковская посуда, сухие травы, вывешенные над очагом, заходили ходуном. Кто-то или что-то с гулким стуком несколько раз ударило в бубен. Совиные перья на шаманской шапке заколыхались, отчего стало казаться, что птица из перьев на миг ожила. На тлеющих головёшках вспыхнули языки пламени

холодного голубого цвета и заплясали в странном, пугающем танце. Василий заворуженно следил за происходящим. Только шаман, не поворачиваясь, произнес:

– Это заблудшие души пришли к От-Эне* погреться. Ты – мой гость. Тебя не тронут.

Языки пламени покружились ещё недолго, и костёр с резким шипением погас. Парень какое-то время не мог прийти в себя, но потом усталость всё же поборола его, и он крепко заснул.

Василий открыл глаза, когда ласковое весеннее солнышко тёплыми лучами проникало в просыпающийся аил. Старик колдовал у костра, подбрасывая в кипящий котелок сухие листья бадана и ещё каких-то душистых трав. Затем налил в чашку парню терпкого ароматного чая и угостил его копчёным овечьим сыром. Василий немного поёжился от крепости предложенного напитка. Старый шаман начал разговор:

– Торопиться надо, уул. Злые духи Эрлика* уже пожирают твою мать изнутри. Нужно её скорее привезти в священный аил.

Слова старого кама обескуражили Василия:

– И как же я её сюда привезу? На вертолёте, что ли? Ни одна машина по ущелью не проедет!

Старик же, отхлёбывая из чашки душистый чай, прищурился и спокойно сказал:

– На коне верхом твоя мать приедет.

Парня злили его наивные суждения:

– Она уже месяц с кровати встать не может! Как же она на лошадь сядет?

– А я ей оберег Ульгения* сделаю. Пока он будет на матери, она силу получит. Сможет и поездку выдержать. Только защищать твою мать от слуг Эрлика он не сможет долго, – и снова повторил – Торопиться надо.

Василий молча кивнул.

Старый шаман ненадолго отлучился из аила. Парень остался один на один со своими мыслями. Как там Настасья? Мать: жива ли? Стоит ли верить этому старику? Его тяжелые размышления прервал скрип открываемой двери.

Кам вошел в жилище со свежесорванной веткой можжевельника. Он сказал парню, чтобы тот подбросил в костёр сухих веток, а сам из-под лежанки достал ветхий мешок. Начал копаться в нём, вынимая из пыльного нутра какие-то маленькие костяные фигурки животных и птиц, сказочных существ, медные монеты, всевозможные перья, пёстрые тряпицы. Наконец, достал из мешка яркую красную ленту, прошёл к костру и поджёг от огня ветку можжевельника. Ленту он держал над зажжённой хвойной веткой и громко приговаривал непонятные слова на малознакомом парню языке. Его зычный голос смешивался с потрескиванием сухих веток в костре, рождая дымное завихрение от горящего можже-

вельника, которое, как спираль, стало закручиваться вокруг красной ленты. Василий с нескрываемым удивлением наблюдал за происходящим. Старик резко оборвал своё заклинание и так же резко бросил потухшую ветку в огонь. Затем подул на ленту и протянул её парню со словами:

– Повяжешь матери на руку. Пока лента на ней – светлые духи Ульгения будут бороться с демонами подземного царства. Только недолго. От Эрлика откупиться надо. Эрлик – злой Бог, кровь любит. Привези для него коня светлой масти, ни разу на своей спине всадника не чувствовавшего. Спеши! Выезжай из дому после обеда, как раз к ночи ко мне доберёшься. Будет тебе в дороге помощник.

Василий принял оберег от старого кама, поблагодарил его за гостеприимство и с неприятными сомнениями отправился домой.

Весеннее тепло разлилось по горной долине, превращая грязноватый снег под ногами людей и копытами лошадей в хлюпающую кашу. Настасья, измученная бессонными ночами, не смыкавшая глаз у постели стонущей от боли свекрови, всё же настояла, чтобы Василий отправился к старому каму. Парень всё понимал, но как-то слабо верил в то, что этот странный дед сможет им помочь. Ближе к вечеру всё же пошёл к местным скотникам, поинтересоваться насчёт необъезженного жеребца светлой масти. Дежуривший конюх, Урсул, спросил, для чего

нужен конь. Неужто, местный электрик решил свой уазик на живую лошадиную силу променять? Когда же Василий рассказал ему о шамане, конюх особо не удивился:

– Знаю я этого кама. Много лет назад младший брат упал в ледяную горную реку и сильно простудился. Совсем ему худо было. Думали, не выживет. Тогда нам этот шаман помог. На днях брату восемнадцать лет исполнилось. Сильный кам. Я тогда, хоть и ребёнком был, но помню хорошо обряд усмирения слуг Эрлика. Помогу я тебе, Василий. Завтра же нужно отправляться в путь.

Над заснеженными горами, возвышающимися над длинным тоннелем темного бома, упирающегося в небольшой пригорок, на котором был расположен аил старого шамана, плеснул клюквенным соком весенний закат. К скромному жилищу приближались трое всадников, с привязанным к седлу крайнего жеребцом светлой масти. Старик уже ждал их, словно бы знал, что всадники появятся здесь именно в это время. Мать Василия, изможденная тяжелой болезнью, плохо держалась в седле, но всё же ей хватило сил добраться до аила. При подъезде к ветхому жилищу красная лента – шаманский оберег – соскользнула с руки измученной женщины, и она рухнула на руки вовремя подоспевшего Урсула. Старик закружил вокруг, повторяя:

– Капшай, удар*. Отведите её в аил.

«Бум-бум» – раздаются глухие удары колотушки – орбу – о шаманский бубен. «Бум-бум» – давно не слышал окрестный лес и тёмный бом этих звуков. «Бум-бум» – камляет старый шаман в освящённом аиле. Обессиленная женщина лежит на длинном овчинном полушубке. Сын сидит у её изголовья. Знакомый конюх, Урсуд, изредка подкармливает сухими ветками всепожирающие языки пламени священного костра. «Бум-бум» – отбивая сакральный ритм на округлом инструменте общения с духами, шаман приплясывает в тяжёлой шубе из маральей шкуры – мандьяке. Ленты на его руках, словно перья на крыльях сказочной птицы, колышутся от ритмичных движений. Звенят, гремят бубенцы-колокольчики на шаманском ритуальном одеянии: отгоняют злых духов. Крутят, вертят курмесы* старика в неистовой пляске, будто бы и тяжелая шуба, и прожитые долгие годы для него не помеха. Двигается в такт у шапки-птицы ряд кисточек из разноцветных бисеринок, на конце которых раковины. Из-за них совсем не видно глаз старика. «Бум-бум» – спускается старый кам в подземное царство Эрлика, хочет выкупить у него душу больной женщины и отдать её хозяйке. По дороге встречает дочерей злого Бога, которые хотят погубить его. При ударах бубна, шаман вызывает всех курмесов-помощников к себе. Разгоняет злобных духов своими заклинаниями и пляской.

Закричала женщина не своим голосом. Хочет встать, убежать от проклятого кама.

– Худо мне, Васенька, ой худо!

Но крепко держит мать испуганный сын. Урсул же приговаривает:

– Держи, держи её. Это не мать твоя кричит, это духи Эрлика воют.

Всё громче слышны звуки бубна. Всё ярче горит священный костёр. Гулко шумит за стеной встревоженный кедровый лес. Пляшет, не унимается старый шаман. Всё бессвязные слова из уст его сыплются. Жарко ему в тяжелой шубе. Пот по его лицу так и льётся. Женщина то успокоится, то затрясется вся, то зарычит. Страшно!

Загремели где-то совсем рядом нарастающие раскаты грома. Рано для этой поры. И вдруг упал шаман на колени. Дышит жадно:

– Суунан ичер!* – пить просит. Бьёт его, словно в горячке.

Подал Урсул старику воды. Женщина зарыдала.

– Теперь жертвенного коня готовить надо, – шаман, тяжело дыша, вынул из пыльного мешка широкий нож и исчез с Урсулом во тьме ночного ненастья. Парень же остался в аиле успокаивать рыдающую мать.

Через какое-то время, когда буря за стеной приутихла, мужчины вернулись обратно.

Шаман грузно сел на лежанку:

– Канза*, – задымил туго набитой трубкой, поданной ему пожилым конюхом. Собирая оставшиеся силы кам сказал:

– Я договорился с Эрликом. Он принял твою жертву.

Старик, выпуская густые клубы дыма, продолжил:

– Силы к ней вернутся скоро, а здоровье – когда жена твоя дочку родит.

– Дочку? – удивился Василий. Он ещё не знал мальчик или девочка родится у Настасьи.

Старик же усмехнулся:

– Скоро всё сам узнаешь. Только верить надо. А сейчас собираться пора. Рассвет скоро.

**Ичиги – национальные сапоги из мягкой кожи.*

**Бом – ущелье.*

**Аил – национальное жилище шестиугольной формы из бруса, без окон, с полусферической крышей*

**Дякши, уул – здравствуй, парень (алт.).*

**От-Эне – мать-огонь, очаг.*

**Эрлик – бог подземного царства, владыка подземного мира, дьявол у алтайцев.*

**Ульгень – светлый верховный бог.*

**Капшай, улдар – быстрее, парни (алт.)*

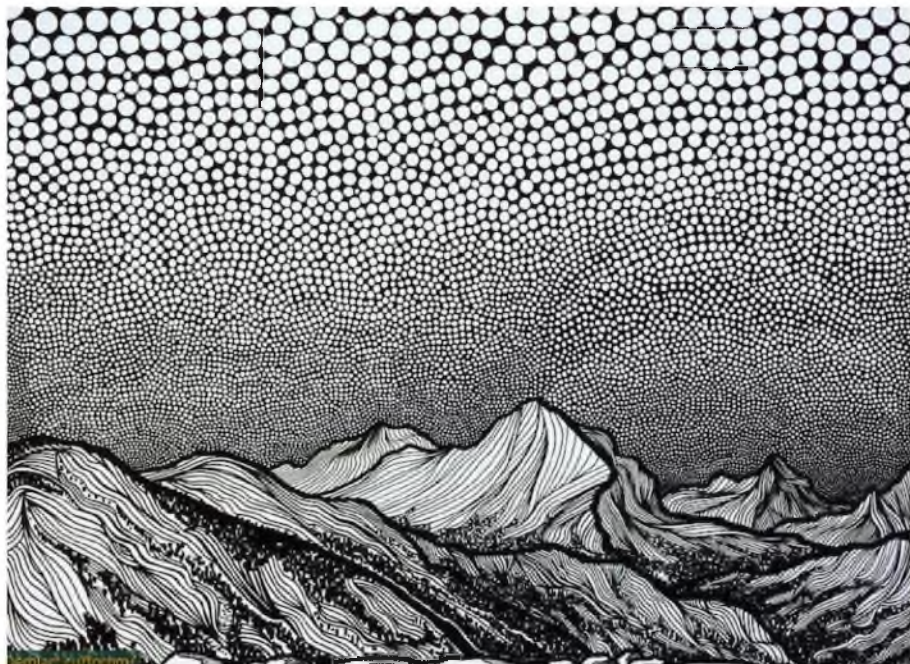
**Курмес – дух-помощник, силу которого унаследовал шаман. Дух, который зачастую при жизни сам был шаманом.*

**Суунан ичер! – воды, пить! (алт.)*

**Канза – трубка (курительная) (алт.)*

Мария Образцова

Алтай

Когда-то здесь творили боги,
Рисуя Храм дыханием жарким.
Алтарь у синего порога
Хранили гордые шаманки.

Рождённые под древний бубен,
Гортанные неслись напевы.
В ущельях таял голос трубный
Лесов кедровых королевы.

В аилах дух витал Ульгения,
Над дымом сырчики коптили.
И колыхались тихо тени,
Когда зайсаны говорили.

В котлах варили много мяса,
И Эрлик кровью наслаждался.
Здесь всё смешалось: радость, беды,
И день, как таинство, являлся.

На перевале Чике-Таман

На Чике-Тамане лето в разгаре,
Горячее небо обжигает плечи.
Лёгкий привкус на губах угара
В душе разливает беспечность.
Серпантин дороги ушёл за тучи,
И воздух, будто слюдяные блики.
Полёт орлицы то в петлю закручен,
То серых скал обнимает пики.
Здесь гор Алтая вся сгустком сила,
И чувство мощи разрывает тело.
Тут мать-природа чудо творила.
В шифон всё синий одела.
Рождают звуки и страсть, и тайну,
С души смывая избыток пыли.
Встаю на камень, на самый крайний,
И чувствую, как вырастают крылья.

Домбра

Рви заколдованный круг,
Песня, под небо лети.
Домбра – особенный звук,
Тайная сила в пути.

Три роковые струны –
Горный будто ручей,
Поднимут тебя до луны
И обернут в суховей.

Цоканье звонких копыт –
Знойное эхо степей.
Слово любви горит
Сотнями ярких огней.

Звёзды сверкнут в сто карат,
Кровь застучит у виска.
Ну-ка, сыграй ещё, брат,
Чтоб отступила тоска!

Кош-Агачская степь

Цокот тысяч копыт,
И качается степь.
Камень лунный зарыт
В ледниковую твердь.

Здесь пожухла трава
В огнедышащий день.
Горы – сонм серебра,
Снежной лавы кипень.

Строго глазом ведёт
И причмокнет верблюду.
Я приеду на год
В мир дымящихся юрт.

Небо – близко к земле,
И долина – из грёз.
Мне легко на коне
Здесь добраться до звёзд.

** Чуйская степь (Кош-Агачская степь) —
межгорная котловина на юго-востоке Алтая в
верхнем течении реки Чуя. Расположена в Кош-
Агачском районе Республики Алтай.*

Магический квадрат

Помню, вечер, мерцанье летящих по небу комет,
Холод лунный скользит

по желтеющим травам лучами.

Иероглиф рисую – сплетение прожитых лет,
И в поклоне глубоком багровые дали встречаю.
Опускаю ладони на сердце уставшей земли,
На колени встаю в эпицентре великой меты.
На восход и на запад горят золотые огни.
На холодных камнях начертали нам предки заветы.
Слышу древнюю песнь,

что сестра мне поёт у костра.

Серый камень расколот ветрами бегущих столетий.
В городище засыпаны белой золою врата.
В полнолуние мир здесь особенно светел.
Дай услышать мне крик – у реки – журавля
И увидеть, что будет с моею Землёю в грядущем.
Стержень предков хранят кедрачи и цветные поля,
И зелёный поток, у Белухи начало берущий.
Стало всё по-иному, что было всего лишь вчера,
По-другому живут, и не те уже песни поются.
Но всё та же стоит на Катунь большая скала,
Ковыли по логам, как и встарь,
серебристые, гнутся.

И в ущельях глубоких всё та же лежит тишина,
Эхо так же летит над величием святого Алтая.
Поклоняются трепетно силам воды и огня,
А на пике горы светит ярко звезда голубая.

И уходит охотник в тайгу, оберегом храним,
И алтайские кони несутся сквозь время и пламя.
И в квадрате Алтая – сплетенье космических сил,
Сохраненная мудрость и наша великая память.

** **Магический квадрат** – памятник в виде древнего городища входит в обширный археологический комплекс села Манжерок. Рядом с Манжерокским городищем находится хорошо изученный интересный курганный могильник с названием Чултуков лог. Находится он у современного Чуйского тракта, недалеко от памятного знака В. Я. Шишкову. Несколько лет академиком А.П. Борозовским велись археологические раскопки этих древних захоронений. Тысячелетия назад здесь – в городище (магическом квадрате) жили люди, которые оставили нам энергию Алтая, чтобы мы её сберегли и передали дальше.*

Бычье сердце

Легенда

Это было так давно, что уже никто и не помнит, когда. Это было, видимо, тогда, когда величаво и монотонно, под удивительную музыку горных ветров, стройные сосны пели песню любви, которая уносилась в небо. В те далёкие времена не было широких дорог, а тропки были так узки, что знали о них только дикие звери.

В непроходимых тёмных лесах, где не росли цветы, а только сырой влажный мох покрывал землю, были топкие болота. Птицы жили на высоких горах

и никогда не залетали в лес, потому что страшились его. Лучи солнца нежно ласкали верхушки сосен и тоже боялись опуститься ниже, чтобы не потеряться в тёмном царстве.

Но шёл по земле слух, что если найдёшь тропку и пройдёшь дремучею тайгой, откроется тебе неведомая поляна. На той поляне есть родник с живой водой. А охраняет тот родник большой чёрный бык. Многие века пытались пройти тропой неведомой смельчаки, но никто не одолел и половины пути.

Однажды, у одного юноши заболела мать, и знахарка, пришедшая её лечить, сказала, что только живая вода из родника, что находится в непроходимой тайге, спасёт ей жизнь.

Смелый юноша, чтобы спасти свою мать, не раздумывая, отправился в дорогу. Очень долгим был его путь до мёртвой и топкой тайги. А когда ступил в лес, такая его окутала тишина и темнота, будто опустился он в царство Эрлика. Каждую минуту он думал о матери и медленно, но уверенно продвигался вперёд.

Он не знал, сколько дней и ночей был в пути, но, выйдя из тёмного леса, вдруг увидел ту поляну и родник с живой водой, который охранял большой чёрный бык. Юноша обратился к нему:

– У меня сильно болеет мать, а чтобы она выздоровела, я должен принести живой воды из этого родника. Дай мне её.

– Я вижу, ты мужественный юноша. Ни один не смог прийти сюда за тысячи лет, которые я охраняю родник, а ты пришёл. Видно, так велика твоя любовь к матери. Но есть одно условие, при котором я могу тебе дать живую воду. Мы должны состязаться в беге.

Юноша согласился, и они побежали. Большими скачками нёсся сильный и могучий зверь. Юноша не отставал от него, потому что думал о матери. И когда оставалось пробежать совсем немного, бык упал замертво. Его покорила сыновья любовь, и он пожелал, чтобы юноша пришёл первым. Сердце быка, большое и благородное, разорвалось на части, а его осколки разлетелись по тайге яркими огоньками. Лес, озаренный этим светом, расступился и ожил. Защебетали в нём птицы и зацвели цветы. Люди стали приходить сюда за живой водой и оставались здесь жить.

Место назвали Манжерок, что в переводе с алтайского языка означает «бычье сердце». Это случилось так давно, что никто уже и не помнит, когда это было. Только родник, по-прежнему, исцеляет всех, кто напьётся животворящей воды.

Синюха и Аржан

Легенда

В те далекие времена, когда в мире высоких гор всё было покрыто дремучими лесами и топкими болотами, никто не мог знать, что хранит эта неведомая земля. Здесь жили люди, но никто и никогда не видел их самих, не видел их жилища, не знал, во что они одеваются. А главное – злые они или добрые. В ковыльных степях, что были ниже гор, жили люди спокойные и доброжелательные, и их всегда тянуло туда, где луна повисала на остроконечных пиках гор.

Однажды охотник Аржан из края степных ковылей погнался за бурой лисицей, которая была так хороша, что он и не заметил, как заехал в дремучий лес. Пытаясь выбраться, кружил, но забирался всё дальше. Так прошёл день, неделя, месяц. У охотника пропал конь, закончились стрелы, которыми он ставил метки, чтобы не потерять тропу, и которых так ни одной и не нашёл. И когда, выбившись из сил, охотник опустился на мох, привиделся ему необычный сон. Будто плывет к нему между мрачных кедров, не касаясь пушистых мхов, луноликая красавица. Не видел он в степях девушек, такой необычной красоты. Волосы были черны, как смоль, брови – словно две дуги, а взгляд – синевы небесной – что у росوماхи гордой. Одежды её были из шкур лесного зверья. В руках несла она стрелы, что Аржан оставлял на пути.

– Я знаю тебя, воин, – сказала она, склонившись над Аржаном. – Ты шёл по моим лесам, по моим тропам, а я шла за тобой.

– Кто ты, прекрасная дева? – спросил Аржан, вздрогнув всем телом и протянув к ней свои сильные руки.

– О, воин, – ответила красавица, – как ты скор. Ты узнаешь всё. Но прежде, должен будешь решить три задачи. Первая: скажи, где здесь сторона холода, а где изобилия? Вторая: какое в болезнях людских первое средство? И третья: чем в этом краю живут люди?

Удивился охотник, глаза открыл – нет никого. Встал, отряхнулся и чувствует, будто силы прибывают. Смотрит – тропинка вверх поднимается, и понял, что по ней ему и надо идти. Идёт Аржан по тропе и диву даётся: «Не простая, знать, та девица, что так долго меня по тайге водила, а теперь дорогу показала».

А перед ним открывается мир удивительный. Видит: гора большая, а богатства разного на ней не счесть – и зверья, и птицы, и ягод, и трав разных.

«Ага, вот он, мир изобилия» – думает Аржан.

Идёт дальше, слышит лёгкое журчание родничка. Чувствует, в теле усталость скопилась. Подошёл к родничку, воды испил, и сразу кровь в жилах будто обновилась, и пошла сила по телу гулять.

«Вот откуда, здоровье-то берется. Вода таёжная, родниковая силы прибавляет, от недугов исцеляет».

Смотрит Аржан вокруг и понимает, что люди здесь живут тем, что природа даёт. И только подумал так, а перед ним ясноликая стоит, да только теперь не во сне, а наяву. «Правильно, охотник Аржан, ты решил все мои задачи. А теперь скажу тебе, кто я. Всё, что ты увидел здесь, принадлежит мне. Я хозяйка этого раздолья и изобилия. А зовут меня Синюха. Всем, кто придёт ко мне с поклоном, чистым сердцем, светлыми мыслями и благородством я открою красоту и недра своей стороны. Но плохо будет тому, кто придёт на землю мою варваром, с тёмными мыслями. Вечно он будет ходить по холодным дремучим лесам и никогда не найдет выхода. Скажу тебе, охотник Аржан, не просто ты попал в наш край. Я привела тебя, чтобы ты увидел богатство моё, познал великую мою силу, и рассказал людям из края степного ковыля, что приходить сюда можно, но только с добром, иначе их постигнет горе. А меня ты забудь. Вижу, сердце твоё переполнено любовью. Но если ты вернёшься ко мне, быть тебе только святым родником у моих ног». Сказала это Синюха и исчезла.

Лес перед Аржаном расступился. На камне он увидел свои стрелы.

Вернувшись домой, рассказал обо всём своим братьям. А вскоре ушёл – никто не знал куда.

Потянулись люди края степного ковыля в страну горную – богатую и чудесную. Там они побратались с народом, смуглым как ночь, с гордым и открытым сердцем, который много хранил знаний про свой край, и щедро принимал всех, кто приходил к нему с чистыми помыслами.

А там, где появилась тропка сказочной красавице-Синюхе, поёт нежную песню любви, даря всем страждущим прохладу и здоровье, изумрудный родник, который называют люди Аржаном.

Гора **Синюха расположена в предгорьях Горного Алтая и разделяется на две вершины: Большая Синюха (1218 м) и Малая Синюха (1196 м). Необычное название гора получила из-за того, что воздух на её вершине немного разрежен и она, покрытая девственным лесом, приобретает слегка синеватый оттенок.*

Виктория Попова

Легенда о Соузге

В далёкие времена жила счастливая пара. Парня звали Турум, а девушку Гульсум. Их любовь была сильна и безгранична, и они не могли даже представить, что в мире могло бы их разлучить. Турум был резчиком по дереву и славился своими прекрасными изделиями на всю округу. Гульсум же занималась хозяйством и домашними делами, радостно поджидая своего любимого.

Однажды, придя домой, Турум поставил на стол два резных ковша. Один он протянул любимой, сказав:

– Гульсум, это не простой ковш. Что бы ни произошло с нами, где бы мы ни оказались – налив в ковш воды и посмотрев в него, мы всегда сможем увидеть друг друга. Один ковш всегда будет с тобой, а другой со мной.

Шло время, и случилась на земле Турума и Гульсум беда: напало на их землю страшное племя, уничтожавшее все вокруг. Отправился Турум со своими

воинами сражаться со злодеями. Обманным путём проникли чужаки в село, всех стариков, детей и молодых девушек забрали в плен, а село сожгли дотла. Вернулся Турум домой, а кругом только пепел летает, да голодные собаки воют. Пошел Турум к реке, низко склонив голову от горя, набрал в ковш воды, и в отражении увидел, что жива его любимая, но находится в плену. Не теряя ни минуты, отправился он в путь, искать свою прекрасную Гульсум.

Путь был долгим и трудным. Всю дорогу он набирал в ковш воды, и смотрел на Гульсум, а по щеке катилась слеза. Дни и ночи напролёт шёл Турум, не отдыхая. И вот увидел он дымок вражеского стана. Мысли о Гульсум зажгли в сердце Турума огонь воина, и он ощутил небывалый прилив сил. Ворвавшись к врагам, стал биться один среди огромного войска, и победил. Ведь большая любовь даёт большие силы. Освободив Гульсум и пленных, Турум повёл всех вперёд, так как им больше некуда было возвращаться. Но, главное, Гульсум и Турум снова были вместе, и вновь обрели в сердце радость.

И когда они сели отдохнуть, Турум вдруг сказал:

– Я заброшу свой ковш в небо. Ничто не мешает уже нашему счастью, а там он поможет ещё кому-нибудь встретиться.

Гульсум, улыбнувшись, сказала:

– А я, брошу свой ковш вперёд. И там, где он упадет, мы начнём новую жизнь, позабыв о том, что

нам довелось пережить. И это будет самое счастливое место для влюблённых.

Построив жилище, там, где упал ковш, они прожили долгую и счастливую жизнь. Часто по вечерам они смотрели в небо и видели свой звездный ковш, который указывал путь всем влюбленным. И люди в этом селении жили в любви, верности и взаимопонимании, и никто не знал предательства.

С той поры много утекло воды, но всё так же висит в небе ковш, а люди живут на том же месте – любви, дружбы и согласия – и не догадываются об этом. Но место это по-прежнему называется Соузга, что в переводе с алтайского означает «ковш».

Алексей Тадинов

Монолог горного ветра

Спустился в долину погонщик медлительных дней –
Простуженный вечер.

Туман осыпает деревья белёсой золой.
Покидая сырое ущелье, я – Странник Ветер,
Неслышно плыву над уснувшей, усталой землёй.
Путь мой далек, и осенняя ночь,
Как тоска, бесконечна.

Не спи, братец Дождь, до утра тишину карауль.
Пусть пока на вершинах лежит
безмятежная вечность.

Люди, спасите меня!

Словно вулкан, извергающий лаву,
Огненной кровью гора обливалась.
С треском горели и падали сосны,
Все, что оставила тёплая осень.

Рыдая и плача стонала гора,
Голосом лисьим кричала нора:
«Люди, спасите меня!»

Шерстью дымилась, звала кабарга,
Треском ветвей умоляла тайга:
«Люди, спасите меня!»

Люди смотрели, им было легко,
Людам не страшно, до них далеко.
Людам не слышен был крик из огня:
«Люди, спасите меня!»

Кто-то сказал: «Как красиво горит!»
Кто-то: «Природе не повредит».
Только сжимали свои кулаки
Беспомощные старики...

Молча молили они небеса:
«Дай нам, Всевышний, немного дождя!
Мы позабыли однажды Тебя,
И тем наказали детей и себя».

Пожар успокоят, быть может, дожди,
Но горные духи не спустят долги
Тем, кто в тайгу, как в уборную, прут,
Гадят вокруг и не уберут.

Сколько же можно, чья здесь вина?
Дым над Алтаем, как будто война!
Коль не проснёмся от сонного плена,
Будем страдать до седьмого колена!

Как же мы, дети божественных гор,
Их защитить не смогли до сих пор?
Мир наш, в огне умирая, страдает,
Но все-таки верить в людей продолжает!

И так же рыдает и стонет гора:
«Люди, спасите меня!»,
И молит скелетом деревьев тайга:
«Люди, спасите меня!»

Рустам Тодосhev (Шатинов)

В урочище Чочколу

В урочище Чочколу все дожди приходили с запада. Содон-Айры вершиной ловил облако, которое, повисев немного, вскоре превращалось в черную тучу. И вот уже косые потоки воды с небес били в окно стоянки, по скалам, по корьевой крыше летника, по коновязи и одинокой кошаре в этом богом забытом уголке Койской долины. Больше всего я боялся ночных гроз. В сполохах молний лишь на секунду высвечивался мертвенно-бледный силуэт горы, с вершиной, уходящей в тучи, и оттого казавшейся безголовой.

– Не смотри ночью в окно. Лучше помоги мне.

Спрыгнув с кровати, я помог бабушке Делене занести седло.

– Ставь сюда. Сегодня вечером у меня оборвалось правое стремя, будь оно трижды проклято Небом, и вот теперь из-за него у меня разболелась поясница.

– Дьана, а почему нельзя ночью смотреть в окно?

Ну, почему, же..., – бабушка покопалась в сумке с инструментами.

– Можно и посмотреть. Но тогда увидишь свое мертвое лицо.

Я подпрыгнул.

– На, – она протянула мне моток суровых ниток и кусок гудрона.

– Начинай.

– Как, мертвое? А почему мертвое?

– Четвертый Сюне хочет рассказать Второму, что ожидает Первого. Ты будешь мне помогать или нет?

– Сюне?

– Да. У человека их семь. Четвертый самый страшный. Придвинь лампу поближе.

– А почему он страшный?

– Баа-таа! Дернул меня Эрлик за язык.

Прибавив пламя в керосиновой лампе, я придвинулся к бабушке поближе.

– А почему мертвое лицо?

– Забудь это. А запомни вот что: ночью можно смотреть в окно только тогда, когда в доме нет света. Из темноты в темноту. Но когда горит лампа, обязательно нужно задернуть занавеску, потому что твое отображение на стекле – это Четвертый Сюне, и если ты не шаман, то общаться с ним не обязательно.

Щелкнула молния, и почти тут же с треском грохнул гром. Я опять подпрыгнул.

– Балам, достань и подожги арчин. Хорошая гроза. Видать Кудай опять попал молотком по макушке Содон-Айры. На, распутай, – она протянула мне моток сыромятных ремешков.

По избежке разнесся аромат можжевельника.

– Алас! – обведя курившейся веткой вокруг моей головы, дьана положила ее на печку. – Алас, алас... Ладно. Иди спать. Завтра сходишь в деревню, у нас кончается керосин. Твой Карат раскован, поэтому

пойдешь пешком. А без керосина мне никак. Спокойной ночи, балам.

Скоро меня увезут в город, а я так и не сходил на вершину. Ведь сто раз собирался! И так и не сходил.

– Ты готов? – Дьана вручила мне жестяной трехлитровый бидончик. – В обход будет километров пятнадцать, но если через Чочколу, то будет короче.

– Через седловину?

– Да. Там козья тропа от камней с рисунком до Поющего Истукана и выше. Озеро оставляй слева и вверх. Еще вот что, захвати карабин. Мало ли что. Перед деревней спрячешь его на берегу.

До камней с рисунками я дорогу знал. Справа, за Коричневой Скалой, на южном отроге Айры была целая галерея с выбитыми в камне рисунками кабанов. Может, из-за них урочище и звалось Чочколу – «со свиньями». Но изображений козлов, баранов или человечков там не находил. Только чочколор.

– Ну, я пошел, дьана.

– Пусть все будет хорошо.

Поющего Балбала я нашел недалеко от озера у подножия Айры. Врытый в землю каменный истукан, чуть наклонившись вправо, широко раскрытыми глазами смотрел на далекую цепь Катунского хребта. Сжимая правой рукой чашу, он как бы силился что-то рассмотреть среди вечных снегов на границе неба и гор. Дотянувшись до его головы, я провел ладонью по каменным усам, носу и бровям

этого вечного охранника этой земли. Кто его тут поставил и зачем? Кто так искусно выбил на камне этот пояс, огниво, чашу и ножны? Вечная загадка урочища Чочколу.

Дьана рассказывала, что Балбал перед грозой пел, как пчелиный улей. Но сейчас он молчал. Не обращая на меня внимания, он, забыв о чаше в руке и чуть наклонившись, всматривался куда-то вдаль. В века.

Приникнув к его каменной груди ухом, я, затаив дыхание, вслушался. Ни звука. Конечно, на небе не было ни одного облачка. Значит, Балбал последний раз пел вчера вечером.

Не знаю, сколько я так простоял в обнимку с истуканом, но когда я открыл глаза... Метрах в тридцати выше по тропе стояла волчица. Широко расставив передние лапы, взъерошив загривок и чуть наклонив голову, она синими глазами смотрела мне прямо в лицо. Молча.

Через минуту она ушла. Не упрыгнула, а именно ушла. Я так и проводил ее взглядом, стоя в обнимку с каменным Балбалом. Она даже не оглянулась.

Теперь урочища Чочколу нет. Давно взорвали скалы с рисунками кабанов, на том месте, где стоял Поющий Балбал, проложили дорогу к шале «У Потапыча», и скалы Содон-Айры слышат теперь не свист ветра и песню каменного балбала, а «русский шансон» и шум моторов навороченных тачек. Да и сами скалы тоже переименовали в гору «Энергетиков», и посторонний там не пройдет. Сменив дро-

бовой «ремингтон» на снайперскую винтовку, бдительные охранники через прицел следят за всеми, кто приближается к частной охраняемой территории.

Много лет спустя я поднялся на Содон-Айры и научился разговаривать в Четвертом Сюне, для которого нет Времени. Только не надо слишком долго ночью смотреть в окно. И теперь я знаю, что та встреча с Синей Волчицей была неспроста. Только вот Каменный Поющий Балбал не дожил... Жаль. А ведь именно в нем древние оставили нам свои Знания. Диск, который мы так и не смогли прочитать.

В урочище Энергетиков все дожди приходят с Запада...

Старое оружие

– Токумай!

Иду, Сашка! Иду!

– Эй! В доме люди есть?

– А я тебе что, не человек?

– О! Токумай! Привет! Представляешь, у меня тут недалеко колесо лопнуло. Хорошо, что заднее! Разреши у тебя руки помыть!

– Ну, что ты за калитку схватился, проходи в дом.

Сашка – хороший парень. Я ему всегда рад. Но не...

– Как живешь, Токумай? Давно я у тебя не был. Можно взять это полотенце?

– Помаленьку. Ну, рассказывай, преследуя какого зверя, ты попал в наш край?

– Да, вот «икспидисия насываеся». Иностранцы. Не, я чай не буду.

– Какой человек, чай не пьющий? Садись, угощайся.

– Представляешь, Токумай, такая история. Наняли они меня в Горно-Алтайске, и вот уже третий день таскаюсь с ними по республике. Представились этнографами, мол, сбор материала по шаманству, то да се, только... Токумай! Я возьму немного курута с собой, ага?

Как не взять, Сашка? Мой курут — самый лучший. Сам делал.

– А помнишь, Токумай, когда я еще учился в МГИМО, ты мне прислал целый ящик? Мы тогда его всем курсом сожрали!

– Ну и где сейчас эта твоя испидисия?

– Пока я колесо менял, они решили прогуляться по райцентру. Курут с мёдом! Ты сделал курут с мёдом? М-м! Сказка!

Нет, этот Сашка совсем, как ребенок. А помнишь, как твою синюю рубашку съел мой теленок, когда она сохла возле аила.

– Так вот, Токумай, сижу я, кручу баранку, а сам потихоньку вникаю в их болтовню. Они-то и не подозревают, что английский я знаю даже лучше алтайского! Так вот, эти парни, оказывается, все выпускники Вест-Пойнта, а не представители Йельского универа в Нью-Хейвене, как они говорят – это

раз! Во-вторых – их аппаратура явно состряпана в Пентагоне! Ни один этнограф в мире не сработает на ней, если он не знаток физики, квантовой механики, полей и прочей лабуды! В третьих ...

До чего же он, все-таки, умный. Неужели там, в городе, ему не нашлось хорошего места? И жена ему попалась – кок тенек неме...

– Еще чашку можно? Так вот, из их разговора я вот что понял, все самые современные виды оружия по принципу действия ничем не отличаются от летящего булыжника, разрывающего плоть. Стрела и самая современная пуля по сути – одно и то же...

Похудел... Да, трудные времена настали. Как быстро летит время! А ведь вроде совсем недавно, ты, Сашка, плакал, упав с моей поленницы. Баштак уул болгон эди...

– ... а шаманы действуют на молекулярном уровне! Оказывается, энергия, скрытая в макроэргических связях молекулы в несколько раз превосходит энергию распада и даже синтеза ядер! Их способность материализоваться где угодно и когда угодно...

Смотри-ка! Какие он слова знает! А раньше, бывало, на моих плечах ходил со мной на ближний покос. Как смешно он тогда бежал по дороге в одной рубашке!

– ...их способность воздействовать не только на психику, но и на физиологию вплоть до полного прекращения жизнедеятельности...

Эх, Сашка... Как ты сильно похож на свою маму... Да, рано ушла из жизни красавица Чайлаш... Ты пей, пей, чай-то остывает.

– ...причем, в зависимости от Ийде-Кюч, он может даже воздействовать массово! Представляешь? Совершеннейшее оружие! И эти мистеры изучают их способности. Они уже были в Туве, Хакасии и вот... О! Вон они, ждут! Ну, Токумай, пока! Спасибо за чай! Забегу на обратной дороге!

– Заходи еще в гости, Сашка! Заходи. Буду ждать.

Хорошая сегодня погода. Хороший день. А они не перевалят Чике-Таман. Их машина свалится в пропасть и, упав на корум, вспыхнет, как сухой куст можжевельника, сжигая в своем нутре и этих, и их странные вещи. Я пытался спасти Сашку, но смог только остановить его машину, чтобы последний раз посмотреть на него. Скоро пассажиры рейсового автобуса привезут в нашу райбольницу его тело, выброшенное из старенького «уазика», но будет поздно. Дьер-Суу, Кан-Алтай не раскроет своих секретов. Как ярко светит солнце...

Владимир Уделяев

У Адыгана

У Адыгана я не раз бывал...
Охотился, но чаще – шишковал,
Как белка, лазал по кедровым кронам,
Сбивая шишки ивовым прогоном.

И наблюдал за мною Адыган,
Как возвращался с грузом я на стан,
Поил коня, стреноживал потуже,
Картошку чистил и готовил ужин.

И, как присев на донышко ведра,
Я жарил шишки в пламени костра,
Да крепкий чай варганил из бадана,
Что густо рос в морщинах Адыгана.

Он наблюдал за мной. Всё это так...
Я тоже – не без глаз, и видел, как
Он зажигал, едва ль не каждый вечер,
Над головой серебряные свечи.

Как иногда, проснувшись поутру,
Вдруг затевал он детскую игру
И прятался под пологом тумана –
Попробуй отыскать, мол, Адыгана.

Как радовался солнцу ясным днем,
Как хмурился под проливным дождём
И стойко прикрывал от злого ветра
Широкой грудью молодые кедры...

**Адыган – самая высокая гора элекмонарской гряды.*

Голос алтайских гор

Какой-то умник ляпнул дикий вздор
О вековом молчанье наших гор –
Мы ж этот ляпсус повторяем хором...
Нет, не молчат, как истуканы, горы.

Вернее, горы не всегда молчат;
Я часто слышал, как они кричат.
Они кричат, когда снега в долину
С вершины сходят грозною лавиной;

Когда поток, зажатый между гор,
Пытается прорваться на простор,
Но, не сумев преодолеть преграду,
Бросается с обрыва – водопадом.

Я также слышал, как они весной,
Заворожив нас сказкою лесной,
Торжественно поют в зеленом храме
Волшебными своими голосами.

То говором ручьёв, то трелью птах,
Руладами малиновки в кустах,
То брачным зовом гордого марала...
То стоном стонут в пору ветровала.

Я слушал горы в летнюю грозу:
Роняли тучи за слезой слезу,
Шипели молнии, и гром дробило эхо
О гребни скал на самородки смеха.

Георгий Черных

Туулу-Алтай

Смотрит с Пикета Василий Шукшин
На вереницы спешащих машин,
Едущих вновь до сакрального края
В горы священные, в горы Алтая!

Верно! Лишь въедешь на гору *Бекет*,
Сразу увидишь легенды тех лет:
В отзвуке бубна и танце шамана
Стройность *Катынги* и шлем *Бабырхана*.

За *Кёк-Туу*, где растёт черемша,
Долгий свой путь начинает *Иша*.
А где встречают друг друга *аржаны*,
Горный Алтай охраняют *Майманы*.

Спрятанный *Бием* стеной кедрача,
Дарит тепло и уют *Турочак*.
Вместе с тайгой наиграет бемодем
Ветер пронзительный над *Алтын-Кёлем*.

Гордо парящий *Каган-Кереде*
Мир созерцает во всей красоте,
Запечатлённый *Чоросом* в картинах,
Названный *Рерихом Шамбалой* мира.

Там, у пяти святых снежных вершин,
Очи-бала, госпожа Ак-Кадын
Смотрит озёрами в небо Алтая,
Кай, под комуз и топшур, исполняя.

В такт Кайракан – вездесущий Кудай –
Смотрит на созданный им Кан-Алтай.
Песня струится по рекам, по эрам.
И поднимается над Уч-Сумером!

*Туулу – Алтай – Горный Алтай

*Бекет – Гора Пикет — памятник истории и культуры

*Катынга – дочь хана Алтая, превратившаяся в реку Катунь

*Бабырхан – богатый бай, отец Катынги, или богатырь хана Алтая

*Кёк-Туу – синяя гора (высокая гора) название высоких гор

*Иша — (алт. Ит-Иши) правый приток р. Катунь.

*Аржан — целебный источник

*Майманы – один из самых многочисленных алтайских сеоков.

*Бий – возлюбленный Катынги, превратившийся в реку Бию

*Турочак – «маленькая тёплая, избушка, стоянка», село в РА.

*Алтын-Кёль, Алтын Кёл – золотое озеро, Телецкое озеро

*Каган-Кереде – в алтайском фольклоре хан-птица, грифон

*Чорос – Г.И.Гуркин – российский художник, ученик И.И. Шишкина.

*Рерих – Н. К. Рёрих, русский художник, философ, писатель.

*Шамбала – мифическая страна в Тибете

*Очи-бала, Ак-Кадын – Алтайская мумия (Принцесса Укока)

*Кай – горловое пение коренных жителей Алтая

*Комуз – древний музыкальный инструмент варган

*Топшур – щипковый музыкальный инструмент

*Кайракан – особо почтительное обращение к богам у алтайцев

*Кудай – верховный бог в тюркской мифологии.

*Кан-Алтай – кровный Алтай. Кан Алтай

*Уч-Сумер – Белуха — «Трехглавая главная вершина»

Татьяна Чанчибаева

Лунная песнь шамана

Вдоль по узкой таёжной тропе,
На исходе цветущего мая,
Плёлся старый шаман в маньяке,
Верный бубен к груди прижимая.
Поднимаясь по склону горы,
И минувшие годы листая,
Оставлял он для дýхов дары,
Все традиции гор соблюдая.
Понимал, что пути нет назад:
Остывало его костровище,
И ожившие тени не зря
Погребальными звуками свищут.
Он давно приглядел в стороне,
Среди лиственниц мощное древо.
На осколках священных камней
Оно с ветром шепталось, шумело.
Здесь развёл ритуальный огонь,
Совершая обряд свой сакральный.
И гортанные звуки, как стон,
Полились над тайгою прощально.
В бубен вкладывал старый Молтуй
Свои силы и мудрость шамана.
Вековое наследие лун
Над костром в диком танце витало.
Лишь под утро усталый шаман

Молча бубен укрыл своим телом,
И душа его, словно туман,
Над Алтаем легендой взлетела.

** По преданию, у алтайских шаманов был обычай:
перед своей кончиной уходить в горы.*

** Маньяк — тип ритуальной одежды и предмет
культы.*

Семь Каракольских прекрасных озёр

Как-то отец, шесть его сыновей
Ехали в поисках лучших земель.
Долго ли, коротко длился их путь,
Но наступила пора отдохнуть.
Видят: зверьём здесь богата тайга,
И разнотравьем пестреют луга;
Место хорошее для очага,
Только никто не нашёл, где вода.
К духам отец обратиться решил,
Ночью он тайный обряд совершил.
Духи сказали: «Чтоб каждый из вас
Вырыл колодец в полуденный час».
Строго исполнен был важный совет,
А вот воды в них ни капельки нет.
Снова отец совершает обряд,
Духи о жертве ему говорят:
«Старшего сына нам мёртвым отдай,
Сразу пребудет в колодцах вода».

Гроном гремели такие слова,
Ноги отца удержали едва.
Меркнет звезда на макушке сосны,
Все семь колодцев водою полны.
Танцы оживших теней улеглись,
И сыновья ото сна поднялись.
Чудо свершилось, мученьям конец!
В счастье волнующем – где же отец?
Долго искали, но нет и следа...
А из колодцев струилась вода.
Так появились на свет между гор
Семь Каракольских прекрасных озёр.

**Каракольские озера — (Кара-Кол — «Чёрное озеро») Это группа из семи высокогорных озёр, расположенных на западном склоне хребта Иолго.*

Шаманка

Когда-то давно на Алтае жила
Шаманка из знатного рода.
Она неприступной была, как скала,
Гнала женихов от порога.
Никто покорить её сердце не мог
Ни в играх, ни в скачках, ни в слове.
Ещё не бывало таких недотрог
С заносчивой искрой во взоре.
Гордилась девица своей красотой
И даром, что свыше был послан,

И тем, что наряд у неё дорогой,
И тем, что роскошные косы.
Но люди не знали отказа её,
Когда их болезнь настигала:
Шаманка входила в любое жильё,
Подолгу под бубен камлала.
И сила её не имела границ,
Ей духи всегда помогали:
Наследные тайны от Синих Волчиц
С младенчества дева впитала.
Целебные травы алтайской земли
В Куюмских горах собирала,
И птицы ей в клювах ракушки несли,
Которые только желала.

Однажды к шаманке гонец прискакал:
У бая жена заболела,
И гаснет огонь у её очага,
Покрыто коростами тело.
Примчалась шаманка, а бай молодой
Приветил её у аила.
Колдунья умыла больную водой
И в бубен шаманский забила.
Три дня и три ночи камлала она
И в яростном танце кружила.
Служили ей духи святого огня –
И хворь от больной отступила.
С улыбкою бай для шаманки коня

Отдал за спасенье любимой,
И в знак благодарности деву обнял,
А сердце её защемило,
Забилось, запело в девичьей груди,
Земля из-под ног уходила.
Но разные с милым у девы пути,
И камнем шаманка застыла.

Поныне в Куюме тот камень живёт
Как сила любви, как преданье.
Весной на нём буйно маральник цветёт:
Влюблённых зовёт на свиданье.

Гордая моя Катунь-река

Сбросив ледяное покрывало,
Заревела горная река,
Тесные границы размывая,
И не признавая берега.
Каменные глыбы поднимала,
С треском расщепляла деревья,
И, безумный бег не прерывая,
Предъявляла вешние права.
Пенилась, бурлила разъярённо
(Отлежала за зиму бока),
Уносилась вдаль непринуждённо
Гордая моя Катунь-река.

Кара-Кол

Когда это было, никто и не знает,
Но где-то в горах Голубого Алтая
Бай хитрый и жадный тогда проживал,
В займы никому ничего не давал.
И очень уж золото бай тот любил,
Немало его в сундуках он скопил.
У бедных людей всё, что мог, отнимал,
За это народ ему прозвище дал –
Бай Чёрные Руки его называли,
Всегда сторонились и не уважали.

Однажды услышал про то Кара Кол,
Что золото кто-то в долине нашёл.
Бай быстро собрался, поехал туда,
От ровной земли не оставил следа.
Увидел Господь, что он здесь натворил,
Потоки воды в наказание пустил.
И золото баю тогда не досталось,
А вот вода и поныне осталась.
Ни с чем жадный бай восвояси ушёл,
Озёра с тех пор все зовут Кара-Кол.

Замок Духов

Давно это было у нас на Алтае.
Настолько давно, что уж мало кто знает,
И помнят об этом всего лишь по слухам,
О том, как возник на земле Замок Духов.

Однажды на голой вершине крутой
Поспорили Духи – Добрый и Злой:
Кто же из них на земле посильнее,
И кто доказать это быстро сумеет.

Решили, что здесь же, на этой горе,
Они принесут по огромной скале.
Друг другу никто уступать не хотел,
Для Духа скалу принести – не предел.

С задачей справились оба, и вот
В споре никто из них верх не берёт.
Решили, чтоб силу свою доказать,
На людях им нужно себя испытать,

Что каждый победам вести будет счёт –
За каждое дело по камню несёт.
Как только об этом они сговорились,
Так сразу в селения к людям спустились.

Здесь только плохое Злой Дух совершал,
А Добрый ему постоянно мешал:
Задумает Злой своё страшное дело,
А Добрый исправит всё это умело.

Настала пора, и сошлись они снова,
У каждого куча большая готова.
И чтобы решить этот спор их недавний,
Стали считать принесённые камни.

Снова всё поровну было у них:
Сколько дел добрых – столько и злых.
Злой Дух рассердился на это ужасно:
«Неужто старания были напрасны?

Я знаю, что я на земле всех сильнее,
Меня не обманешь по груде камней!
Я это сейчас же тебе докажу,
Победу я в схватке с тобой заслужу!»

Снова соперники в битве сошлись,
Добрая сила со Злою слились.
Сражались три ночи они и три дня,
От мощи такой раскололась земля.

Духи на дно её с криком упали,
Битву свою в темноте продолжали.
От гнева Злой Дух выбивался из сил,
Рычал, задыхался и страшно так выл,

Никак не хотел он признать поражение,
Но силы покинули. В это мгновенье
Накрепко Добрый цепями связал –
Этим Злодея навек наказал!

Так и лежит там, в пещере, на дне.
Добрый победой доволен вполне –
Снова по свету, невидим, летает,
Всем, кто достоин, всегда помогает.

Немало с тех пор уже минуло лет,
Никто и не знает, что правда, что нет.
Но часто слышны там тревожные крики,
Меж скал возникают ужасные лики.

То кто-то заплачет, то вдруг засмеётся,
То песня душевная рядом польётся...
Здесь каждый алтаец остро держит ухо,
И не потревожит ни Замок, ни Духов.

В селении нашем легенда живёт...

В селении нашем легенда живёт,
Её с уважением помнит народ,
О том, что когда-то девица жила,
Лицом и душою прекрасна была.
Любое в руках её спорилось дело,
Тут надо сказать, она много умела:
И пряхсть, и вязать, на охоту сходить,
Выделывать шкуры, одежду пошить,
Готовить дьёргём, паурсак и талкан,

Набросить на лошадь любую аркан.
Обычаи все уважала и чтילה,
И к старшим была она очень учтива.
На праздниках пела девица прекрасно,
Невеста завидная – каждому ясно.
Немало о деде вздыхало парней,
И каждый мечтал бы посвататься к ней,
Да все не решались. Причина одна –
Красавица наша была так бедна,
Да и семья многодетна к тому же,
Нужна ли кому-то такая обуза?
И только один ни на что не смотрел,
Кто искренне деву любил и жалел.
Он жил на окраине в ветхом аиле,
И дева моя его тоже любила.
Охотником был, круглым был сиротой,
И деньги копил он на свадебный той.
Но время на месте никак не стояло,
Молва о девице по свету бежала.
Прослышал о девушке байский сынок
И в жёны решил её взять в тот же срок.
Скупым негодяем он слыл средь людей,

Конечно, не пара для девы моей.
Он сел на коня и поехал к девице.
И надо же было такому случиться,
Наверное, стало угодно так Богу,
Никак он не мог отыскать к ней дорогу.
Все тропы изъездил по нашей округе,
Но так и не встретил желанной подруги.
Она вышла замуж, а он до сих пор
Плутает один на коне, среди гор.
И если кого-то встречает в пути,
То просит помочь ему деву найти.
Особенно часто – об этом ты знай! –
Мы видим его по дороге в Узнай.

**Боорсок (паурсак) — известные алтайские пончики, пекутся на нутряном бараньем жире на открытом огне.*

**Дьёргём – желудок барана, который разрезается лентой, сплетается косичкой с полоской жира при помощи тонкой кишки и варится.*

**Талкан (башк. талкан; каз. талқан; кирг. талкан; рус. толокно) — мука крупного помола из жареного ячменя или пшеницы*

Богатырские руки

Немало легенд есть у нас на Алтае,
Их любят в народе и почитают,
Друг другу их бережно передают...
А я расскажу вам легенду свою.
Поверьте, она родилась не от скуки:
Когда я впервые увидела руки,
Кровавые руки на мощной скале,
Отчетливо сразу представилось мне,
Откуда и как они здесь появились.
И строчка за строчкою мысли полились...

Когда-то давно на Алтае жила
В одном из аулов молодая вдова.
Хозяйство держала: коровку, теленка,
Собаку, барашка, овцу да ягненка.
В аиле ее было чисто и мило,
Совсем небогато, но очень красиво.
Вдове-то никто просто так не поможет,
Поэтому шила одежду из кожи.
Растила сынишку, любила, жалела,
Учила всему, что сама разумела.
Во все он толково и быстро вникал
И маме своей, как умел, помогал.
И было от роду сынишке шесть лет,
Но равных по силе в селении нет.
Конечно, годами он был ещё мал,
Но Бог ему силу великую дал.
Народный когда проходил Эл Ойын,
Всегда победителем был он один.
В аймаке его уважали и чтили,
Хотя удивлялись недюжинной силе,
Мальчишка же этого не замечал
И скромной улыбкой на все отвечал.
Однажды мать с сыном сидели в аиле,
Дрова в очаге для тепла растопили.
Мать шила одежду, сын ей помогал,

Как вдруг на коне кто-то к ним прискакал,
Зашел торопливо и прямо с порога
Сказал собираться скорее в дорогу:
Что бабушка с дедушкой очень больны.
– Скорей торопитесь, успеть вы должны!
В далёком ауле родители жили,
Туда наши путники очень спешили.
И путь их лежал через горы крутые,
Через леса, где тропинки витые.
Шли они ночью и днём напролёт,
Зная, что время ни капли не ждет.
Вот уже сутки осталось пути,
Силы покинули, трудно идти.
Мать очень сильно в дороге устала
И, на минутку присев, задремала.
А в это время крутая скала
Сдвинулась с места и тихо пошла
Прямо туда, где вдова отдыхала
И про опасность не подозревала.
Сынишка увидел, что маме грозит
И встал на пути у скалы, словно щит:
Уперся в неё он своими руками,
И остановился безжалостный камень.
От этого даже земля содрогнулась,
Мать, испугавшись за сына, проснулась.
Увидела все, что вокруг происходит,

Что силы у сына уже на исходе,
Что руки потрескались в кровь от натуги,
И что не поможет никто им в округе,
Здесь просто-напросто нет никого...
Она из-под камня толкнула его,
Собою укрыла, чтоб смерть не видал...
Но камень недвижим на месте стоял!
На нём, как огонь, были красные руки,
На землю стекали кровавые струйки.

Что это было: чудо иль нет,
Ты в своём сердце поищешь ответ.
Много с тех пор уже минуло лет,
Кровавый навеки остался здесь след.
И если стоишь ты у этой скалы,
Где руки ребёнка как прежде видны,
Желание смело своё загадай,
Но руки не трогай – накажет Алтай.

**«Эл Ойын» — алтайский национальный праздник.*

Вечный всадник

Давным-давно в горах Алтая
Там, где Катунь течет седая,
Где блещет синью свод небес,
Где полон сказок темный лес,
Где птицы свищут, не смолкая,
Стоял аил большого бая.
Бай был жесток, ужасно скуп,
Себялюбив, не очень глуп.
Богатство, роскошь бай любил,
Пушнину, золото копил.
Он очень рано овдовел,
Жениться снова не хотел.
Растил единственную дочь,
На мать похожую, точь-в-точь.

С ней одной был нежен бай.
Звали дочку Алтынсай.
Быстро времечко летело,
Дочь росла да хорошела.
И пошла молва по свету:
Краше байской дочки нету.
Бай, хотя и не спешил,
Выдать замуж дочь решил,
Чтоб жених богатым был,
Алтынсай, как он, любил.
В это время дочка бая,
Ничего о том не зная,
В поле ягоду брала,
Косы девичьи плела.
Бабочки вокруг порхали,
Птицы звонко щебетали,
Да в траве возился жук...
И слышалось ей вдруг:
Где-то тут, недалеко,
Кто-то песню пел легко,
Так приятно слух лаская,
Песню о красе Алтая:
«Как не любить мне мой Алтай,
Чудесный, милый сердцу край!
Как не любить поля и горы!
Как не любить небес просторы!
Потоки рек как не любить!
Люблю Алтай! Люблю здесь жить!»

Встала Алтынсай тихонько,
По траве идет легонько –
Интересно посмотреть,
Кто бы это мог так петь?
Видит пред собою поле
И коней табун на воле.
А подальше, у ручья,
Видит девица моя
Парня очень молодого
И красивого такого.
Это он – ответ к загадке,
Это он, чей голос сладкий
Так к себе ее манил
И навек уже пленил.
Парень глаз с нее не сводит,
Песню о любви заводит.
Стало ясно, что они
Уж друг в друга влюблены.
Незаметно день прошел,
Расставанья час пришел.
У ручья они простились
И о встрече сговорились.
И знакомою тропой
Алтынсай спешит домой.
Здесь нельзя вам не сказать:
Не могла девица лгать,
И отцу без промедленья
Рассказала все в волненьи.

Ничего не утаила,
Что влюбилась и любима.
Бай свою родную дочь
Выдать замуж был не прочь,
Но искал ей жениха –
Богача – не пастуха.
И, подумав, так сказал:
«Не об этом я мечтал.
Я хотел тебя отдать
Жениху, чтоб был под стать,
Чтоб он очень был богат, –
Вот чему я был бы рад.
Но уж если так случилось,
Что ты в нищего влюбилась,
Что тебе никто не нужен,
Только б он твоим стал мужем,
Я согласен. Только если
Он споет такую песню,
Чтобы я от умиленья
Всё отдал без сожаленья.
Волю выполнить мою
Я три дня ему даю.
Если же не справится,
То с тобой расстанется.»
Но в душе-то бай грешил,
Вот что он уже решил:
«Как бы мне пастух ни спел,
Всё же будет не в удел.

Пусть хоть как старается –
Не отдам красавицу!»
Эту тайну хитрый бай
Не поведал Алтынсай.
Дочке строго запретил
Покидать родной аил.
Ночь спустилась на Алтай...
Нет покоя Алтынсай –
Как увидеть молодца,
Передать слова отца?
Вот уже рассвет подкрался,
Лучик солнца показался.
Алтынсай к нему с мольбой:
«С детства дружим мы с тобой,
Ты мои все тайны знаешь,
Ни предашь и ни обманешь.
Разыщи милого в поле,
Передай отцову волю:
Если все исполнит в срок,
Будем вместе мы, дружок!»
Лучик девушке в ответ:
«Для меня преграды нет.
Не волнуйся, не печалься –
Все исполню в одночасье.»
Просьбу луч, как обещал,
Слово в слово передал.
Время мчится быстрой птицей,
Алтынсай моя томится.

Вот уж третий день проходит,
А любимый не приходит.
Вдруг у самого аила
Зазвучал топшур так мило.
Сердце девичье запело;
Оглянуться не успела,
Как пастух зашел в аил
И с отцом заговорил.
Поздоровался достойно,
Начал речь свою спокойно:
«Мой род древнейший на Алтае –
Комдош. Я свято почитаю
Традиции и предков рода,
Святыни моего народа.
Я знаю, мне они велят
За Алтынсай калым отдать:
Коней, овец, пушнину, злато,
Но я пастух, я не богатый.
Все, что имею, отдаю:
Все песни и любовь мою.»
Тут топшур берет он в руки,
Льются плавно, нежно звуки.
Волю чувствам он дает
И про Алтынсай поет.
«Среди синих гор Алтая
Я девчонку повстречал,
О которой, точно знаю,
Я уже давно мечтал.

Скромный взгляд, густые косы,
Темно-карие глаза,
Никогда не сможешь бросить,
Их забыть никак нельзя.
Голос ласковый и нежный
Я люблю, ты так и знай,
Смех веселый, безудержный
Вспоминаю, Алтынсай.
Ты лебедь белая моя,
На небе ясная луна.
И говорю я, не тая:
Мне только ты одна нужна.»
Смолкла песня, топшур замолчал.
Бай, что задумал давно уж сказал:
«Голос твой мне режет слух.
Понимаешь ты, пастух,
Алтынсай уже невеста,
Но тебе нет рядом места!
Твое место в табуне,
Ты не будешь зятем мне.
Алтынсай упрячу так,
Не увидите никак!
В ту же ночь бай-разлучитель,
Молодых сердец мучитель,
Дочь увозит на коне
К страшной Чертовой скале.
Духов дьявольской скалы
Просит, чтобы помогли.

Среди неба гром раздался,
Бай ничуть не испугался,
Алтынсай в скалу толкнул,
Камень за спиной сомкнул.
Вкруг себя оборотился –
В коршуна он превратился,
Чтоб всегда на страже быть,
Никого не подпустить.
Ищет милую свою
Наш пастух в родном краю,
Песню грустную поет –
Все с любимой встречи ждет.
Вдоль скалы он круглый год
На коне ведет обход.
Коршун в небесах кружится,
Плачет бедная девица,
Слезы по скале текут
И маральником цветут.
Быль все это или сказка
Сам, читатель, догадайся.
Но легенды след найдешь
Ты в селении Чепош.

**Топшур (монг. топшуур) — щипковый музыкальный инструмент с 2 волосяными струнами (настроены в кварту). Длина около 780 мм. Способ игры — бряцание. Распространен в Северо-Западной Монголии и на Алтае.*

**Чепош – село в Чемальском районе Республики Алтай, первое по Чемальскому тракту от поселка Усть-Сема. Название села Чепош в переводе с алтайского означает «смирный», «кроткий», так же возможно – «маленькая», «сорная». То муж род, то женский*

Оглавление

Предисловие	3
Алексей Гаев	5
Ольга Истомина	16
Надежда Кетрарь	58
Мария Образцова	75
Виктория Попова	87
Алексей Тадинов	90
Рустам Тодошев (Шатинов)	94
Владимир Уделяев	102
Георгий Черных	105
Татьяна Чанчибаева	107

Майминское Литературное объединение «Лира»
Республика Алтай, с.Майма, ул.Советская, 57
Тел. 8-(38844) - 22-9-76
e-mail: biblioteka-maima@mail.ru

Редакционная группа: *О.М.Ельдекова,*
Л.В.Кравцова

Корректурa: *Л.В.Кравцова*

Вёрстка и дизайн: *А.А.Кобзев*

Художественное оформление: *Сергей Дыков,*
Чейнеш Барсукова, рисунки из доступных
источников Интернета

